

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БОЕВОГО

КОТА МУРЗИКА

А. Н. Берер

А. Н. Берег

**Приключения
боевого кота Мурзика**

«Автор»

2026

А. Н. Берег

Приключения боевого кота Мурзика / А. Н. Берег — «Автор»,
2026

– Я, Мурзик — десантник, Герой, красавец и вообще, вы ещё не слышали, как я взял ту высоту под Холодильником? Рыжий пушистый ветеран, прошедший бои с пылесосом и диверсии с банками сгущёнки, вспоминает сто невероятных баек. Вместе с ним вы познакомитесь с ежом-сапёром, хомяком-генералом и слоном в тельняшке. Здесь война с воронами соседствует с нежностью к мышатам, а подвиги — с кошачьей мудростью. Эта книга — гимн настоящей хвостатой дружбе, чести и чувству юмора. Держитесь за усы — Мурзик идёт в атаку!

© А. Н. Берег, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Как меня учили десантироваться без парашюта (а я учил их)	5
Глава 2. Ёж Барбекю, или первый бой с консервной банкой	7
Глава 3. Барсук-сапёр: как мы с Борей разминировали поле с клубникой	10
Глава 4. Генерал Хомяк Хрум — штабной стратег, который боялся муравьёв	13
Глава 5. Белка-снайперка Зина: попадание с двухсот метров грецким орехом	16
Глава 6. Про кабана Петровича: таран, фугас и бочку с тушёнкой	19
Глава 7. Лиса Алиса — подрывница из вражеского тыла (и как я её разжаловал)	23
Глава 8. Слон Сеня в тельняшке: как мы бразильские джунгли брали	26
Глава 9. Ворона Кассиопея: разведка боем на помойке	29
Глава 10. Крыса Модест: предатель и восстановление справедливости	32
Глава 11. Как мне пришлось отлеживать хвост после попадания шваброй	35
Глава 12. Главврач-попугай Гоша: диагноз "чихательно-пушистый синдром"	38
Глава 13. Девять жизней: какая из них самая дорогая	41
Глава 14. Ранение в битве за диван (операция "Мягкая мебель")	44
Глава 15. Противогаз для кота: почему усы не должны пахнуть напалмом	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

А. Н. Берег

Приключения боевого кота Мурзика

Глава 1. Как меня учили десантироваться без парашюта (а я учил их)

— Значит так, салага. Запоминай раз и на всю жизнь, — я положил лапу на стопку учебных пособий (три мятые тетрадки и книжка «Поварёнок») и прищурил глаз.

Передо мной сидел тощий рыжий облезлый котёнок. Дрыщ. Весь в репейнике. Усы куцые. Смотрит на меня, как на генерала на параде. Правильно смотрит. Потому что я — Мурзик. Ветеран. Десантник. Герой. И если кто в этом дворе усомнится, я быстро объясню, почему моя тельняшка на вырост — это не мода, а боевое знамя.

— Дядя Мурзик, — пискнул салага, — а правда, что вы прыгали без парашюта?

— Правда, — хмыкнул я. — Но не так, как ты думаешь.

Слушай внимательно.

Дело было летом. Жара стояла такая, что даже мухи летали шажками. Наш взвод особого назначения — я, ефрейтор Барсук Боря и связист крот Шурша — получили задание: взять высоту 140. По-вашему — старый дуб на пустыре за гаражом.

Дуб был неприступный. Ветки — как заграждения из колючей проволоки. А наверху, в развилке, сидел враг. Враг номер один. Враг, которого я ненавижу до сих пор куриной печенью.

Ворона. Старая. Облезлая. С оперением цвета грязной лужи. Но глаза — как два спецназовских гляделки. Умная. Опытная. Её звали Кассиопея. Она уже три года держала в страхе весь пустырь, включая бродячих псов. А главное — у неё там было гнездо. А в гнезде — краденое.

Семь блестящих фантиков от конфет «Коровка». Наши докладывали.

Мы залегли под кустом крапивы. Боря копал траншею — ну, он вообще любил копать, даже когда не надо. Шурша настраивал связь (пытался соединиться со штабом через трубу, которая вела в подвал с углём). А я смотрел вверх.

— Мурзик, — шепнул Боря, — а может, обходным? Вон через ту кучу шин?

— Не катит, — сказал я. — Шины — открытая местность. Ворона снимет нас за три взмаха крыла. Будем как голуби на параде.

— А парашютов у нас нет, — прошелестел из-под земли Шурша.

— Парашют — это для слабаков. У нас есть Мурзик. А Мурзик — это вам не какой-то там мохнатый прыщ.

Я решил идти сверху.

— Ты с ума сошёл, — сказал Боря. — Ты же кот. Коты не прыгают без парашюта. Коты падают.

— Коты падают, — согласился я. — Но десантники — приземляются. Есть разница? То-то.

Я начал карабкаться.

Первые сучки я преодолел легко, как молодая козьявка. Но потом началось... Дуб, я вам скажу, был не дуб, а дубина с рогами. Сучья торчали во все стороны, будто стоя дикобразов после пьяной драки. Я зацепился усом, потом вторым, потом хвостом. Повис на коре лапами.

Ворона Кассиопея свесила голову вниз.

— О, рыжий пожаловал. Пришёл фантики проигрывать?

— Я пришёл, чтобы вынести вам предупреждение от штаба, — выдавил я. — У вас там незаконное обогащение фантиками. Семь штук — это перебор.

— А ты допрыгни, — каркнула она и кинула в меня жёлудем.

Метко. Как из рогатки. Жёлудь попал мне прямо в нос. Я чихнул. Усы разъехались. И я... полетел.

Не поверите, но в тот момент я понял главную истину боевого кота: страх — это когда внизу нет земли. А у меня под хвостом была только трава в ста метрах вниз. И Боря с Шуршей, которые смотрели на меня круглыми глазами.

— Аааааа! — заорал Боря.

— Ыыыыы! — заорал Шурша.

А я не заорал. Потому что я десантник.

— Усы в стороны! — скомандовал я сам себе. — Хвост винтом! Пузо втянуть!

И знаете, сработало.

Моё рыжее пушистое тело, которое многие назвали бы просто «колобком на диване», вдруг спланировало. Как лист. Как пух. Как нормальная такая кошачья аэродинамическая фигня. Я не упал. Я приземлился. Через три куста и кучу из-под кирпичей, но приземлился. На лапы. Глазами вперёд.

— Живой? — спросил Боря, когда пыль улеглась.

— Бывало и лучше, — сказал я, отплёвываясь травинкой. — Но главное — я понял, как их брать.

— Как?

— Не сверху. Не снизу. А сбоку. Через соседнюю берёзу. И пока ворона будет ржать над моим полётом, я зайду с тыла.

Так мы и сделали. Через два часа я сидел в гнезде. Кассиопея улетела возмущённо каркать на помойку. Фантики были возвращены. Точнее, один я взял себе — за храбрость.

— Так, — сказал мне котёнок-салага. — А где тут парашют? Вы обещали про парашют.

— А то и есть парашют, — ответил я, почесав за ухом. — Я вам объясняю: десантироваться без парашюта — это когда ты летишь, а в голове у тебя парашют. И если там стабильно, чисто и без паники — ты не разобьёшься. А если в голове мышь — хоть три парашюта цепляй, всё в тартарары полетишь. Понял?

— Понял, — вздохнул котёнок. — А можно я теперь вашу тельняшку понюхаю?

— Нельзя, — строго сказал я. — Потому что тельняшку сначала надо выслужить. А для этого... садись, сейчас расскажу историю про ежа Барбекю и первый бой с консервной банкой.

И мы сидели под тем самым дубом, я — ветеран, он — ещё ничей. Солнце садилось. Вороны не было. И жизнь была прекрасна, хоть и пахла крапивой и картошкой из соседнего подвала.

— А фантик покажите, — попросил котёнок.

— Покажу, — усмехнулся я. — Но сперва сам заработай.

Я закрыл глаза. Потому что где-то там, в глубине души, я знал: этот облезлый рыжий дрыщ пойдёт далеко. Может, даже до вершины того дуба. А может, и выше. Там, где летают без парашюта.

Глава 2. Ёж Барбекю, или первый бой с консервной банкой

— Вы, молодёжь, думаете, что война — это когда шумно, страшно и много героев, — сказал я, облизывая лапу после сытного обеда. — А вот и нет. Чаще всего война — это когда ты в одиночку сидишь под кустом и пытаешься понять: враг перед тобой или просто железяка.

Котёнок, которого я про себя уже называл Рыжиком (потому что имя он ещё не заработал), наострил уши. Он сидел на перевёрнутом ведре и грыз сухую корку хлеба, делая вид, что это стратегический паёк.

— Это вы про ту историю, где ёж банку победил? — спросил он с набитым ртом.

— Не ёж банку, а мы с ежом — коварного врага. И если ты ещё раз перебеёшь, я тебя в наряд отправлю — будешь чистить мою миску языком. Понял?

— Понял, — пискнул Рыжик.

— Тогда слушай.

Дело было осенью. Шёл второй месяц моей службы во дворе за гаражом № 7. Мы тогда только-только обжили территорию: Барсук Боря организовал штаб под старым шифером, крот Шурша прорыл три запасных хода к помойке, а я нёс дозор на заборе. Всё было чинно, благородно и даже скучно.

Пока однажды утром я не услышал звук.

Знаете, как звучит враг? Нет. Враг не орёт, не рычит и не стреляет. Враг шуршит. Металлически. Противно. Так, будто сотня мышей решила поиграть в чечётку на крышке от кастрюли.

Я спрыгнул с забора, прижался к земле и пополз в сторону звука. Трава была холодной, но я не обращал внимания. Усы работали как локаторы. Я крался.

И вот что я увидел.

Посреди пустыря, в трёх метрах от кучи строительного мусора, стояла ОНА. Консервная банка. Красная. С оторванной этикеткой. Круглая. Злая. И... она двигалась.

— Тихо, — прошептал я сам себе. — Мурзик, это не банка. Это боевая машина. Смотри, как виляет.

Банка подпрыгивала, заваливалась на бок, каталась по кругу и издавала тот самый мерзкий шорох. Внутри кто-то был. Пленник? Раненый? Или захваченный вражеский лазутчик?

Я замер. Разведка — дело точное. Один чих, и ты труп.

— Эй, на посту! — вдруг раздалось из-за моей спины.

Я чуть не подпрыгнул до сосны. Овернул. Прямо на меня катился... ёж.

Маленький. Колючий. С глазами как две бусины. И на морде — такое выражение, будто он только что выиграл в лотерею банку сгущёнки.

— Ты кто такой? — прошипел я. — Ты понимаешь, что ты только что выдал нашу позицию? Ты что, тихо ходить не умеешь? Ты ж ёж, у тебя иголки, они вообще шастают, как погрешки!

— А я не ходить пришёл, — ответил ёж, близоруко моргая. — Я драться. Меня Барбекю зовут. И эта банка — моя.

— Твоя? — опешил я. — Это объект потенциальной опасности. А ну назад, в кусты!

Барбекю проигнорировал приказ. Он разогнал (насколько вообще может разогнаться ёж, то есть со скоростью пьяной улитки) и врезался в банку.

Дзынь!

Банка подпрыгнула, перевернулась и замерла.

— Видал? — гордо сказал Барбекю. — Один удар — и готово.

— Она не готова, — сказал я, прислушиваясь. — Она затихла. Это хуже. Это значит, она перегруппировывается.

И точно. Банка дёрнулась. Потом ещё раз. А потом из неё... вылезла мышь.

Старая, сердитая, с закрученным усом и рваным ухом. Настоящий ветеран подпольной войны.

— Вы кто такие?! — заверещала мышь. — Вы понимаете, что я там ела? Я там три часа ела засохшую кашу! А вы мне тут банку переворачиваете! Я ж теперь всё собирать по пустырю должна! Трудящаяся мышь, а они — банку им, банку!

Мы с Барбекю переглянулись.

— Так... это не вражеская боевая машина? — спросил ёж.

— Это моя столовая! — взвизгнула мышь. — А вы, колючий идиот, только что устроили мне голодный обморок!

Барбекю сдулся. Его иголки, которые секунду назад торчали как пики, чуть опустились.

— Я думал... ну, банка... враг... — пробормотал он.

— Ты думал? — мышь встала на задние лапы. — Ежи вообще не умеют думать! Они умеют только сворачиваться и надеяться, что их никто не заметит. Позор!

Тут я решил вмешаться. Потому что, во-первых, я десантник. Во-вторых, я умел договариваться. В-третьих, у меня самого завтрак был только через пять часов, и я почувствовал голодному бойцу.

— Так, всем молчать, — сказал я спокойным, командным голосом. — Мышь, как тебя зовут?

— Зинаида. Но можно просто Зина.

— Зина, во-первых, извини. Барбекю, положи свои иголки и извинись. Барбекю, я сказал — извинись!

— Извини, — проворчал ёж.

— А во-вторых, — продолжил я, — банку мы тебе обратно перевернём. Кашу соберём. А сверху — добавку организуем. У меня есть знакомый воробей, он всегда знает, где крошки.

— Правда? — Зина подозрительно прищурилась.

— Я, Мурзик, когда-нибудь врал? — обиделся я. — Ладно, врал. Но не в этот раз.

Мы перевернули банку. Каша оттуда, конечно, высыпалась вперемешку с песком, но мы с ёжом аккуратно — лапами и носом — отделили съедобное от несъедобного. Зина сидела сверху на ведре и командовала:

— Этот кусок — мой. Этот — пополам. А этот, который с опилками — пусть ёж ест. Ему колючки переваривают что угодно.

— Не переваривают, — вздохнул Барбекю, но съел.

После завтрака мы сидели все трое. Зина мурлыкала (она умела мурлыкать, как котёнок — странное дело). Барбекю свернулся клубком и изредка вздыхал.

— Мурзик, — сказал он наконец. — А вы не сердитесь на меня? Я ж думал — атака. Фронт. Банка страшная. А там просто еда и мышь.

— На войне всё просто, — ответил я. — И сложно одновременно. Главное — не тыкать иголками в первый попавшийся предмет. Сначала разведай. Понюхай. Послушай. А потом уже атакуй. А если внутри мышь — лучше сразу спроси, не нужна ли помощь. Понял?

— Понял, — кивнул ёж.

— И про иголки запомни, — добавил я. — Оружие — это не колючки. Это голова. Если голова варит — и голый кот генералом станет. А если нет — то и с гранатой разведчиком не будешь.

— А вы? — спросил Рыжик, выныривая из моих воспоминаний. — А вы что сделали с этой мышью потом?

— С Зиной? — я усмехнулся. — Мы подружились. И она потом стала нашей лучшей разведчицей. Потому что мышь, которая знает каждый подвал, каждую щель и каждую крошку — это вам не ёж с иголками. Это шпионская элита.

— А ёж?

— А ёж Барбекю стал моим заместителем по тылу. Потому что, когда нужно было проверить, не завёлся ли враг в консервной банке — он был идеальный кандидат. Он бросался на банки, даже когда они были пустые. Просто на всякий случай.

— Для острастки, — догадался Рыжик.

— Для острастки, — кивнул я. — И для общей боевой подготовки.

Я выгнул спину, потянулся и посмотрел на вечернее небо.

— Запомни, салага: враг не тот, кто внутри банки. Враг тот, кто внутри тебя. Жадность. Глупость. Трусость. А всё остальное — просто обстоятельства. И если ты это запомнишь — то, может быть, когда-нибудь станешь таким же великим котом, как я.

— Или как ёж? — с надеждой спросил Рыжик.

— Или как ёж, — вздохнул я. — Хотя нет. Как я всё-таки лучше. Но ёж — молодец. Ладно, пошли ужинать. Расскажу тебе ещё одну историю. Про генерала Хомяка Хрума.

— А он храбрый?

— Он... он боялся муравьёв. Но это не важно. Важно другое. Важно то, что даже хомяк может быть генералом, если рядом есть правильный кот.

И мы пошли. Потому что солнце садилось, животы урчали, и где-то там, в темноте, ждали свои истории. Сто девяносто восемь штук. Целый арсенал.

Глава 3. Барсук-сапёр: как мы с Борей разминировали поле с клубникой

— Салага, запомни главное правило сапёра, — сказал я, поднимая лапу с назидательным видом. — Сапёр ошибается один раз. Но если сапёр — барсук, то он ошибается один раз за ужином, второй раз за обедом, третий раз на разминировании, а потом ещё четыре раза, просто потому что ему скучно.

Рыжик, который уже привык слушать мои байки с открытым ртом (и открытой пастью — потому что он одновременно жевал сухарь), замер.

— Это вы про того самого Борю? Про вашего ефрейтора?

— Про него, про него, — вздохнул я. — Барсук Боря. Сапёр от бога. Вернее, от бога — если бы бог был немножко пьян и любил взрывать всё, что не двигается. А если двигается — то вдвойне.

Я сел поудобнее, потёр лапой нос и начал.

Было это в середине лета. Мы уже отвоевали дуб у вороны Кассиопеи, подружились с ежом Барбекю и мышью Зиной, а потому фронт у нас уже был относительно спокойным. Относительно — потому что настоящий солдат никогда не бывает спокоен. Он бывает только «готов к бою» и «очень готов к бою».

В один прекрасный солнечный день к нам в штаб пришёл связной. Это был молодой нахальный воробей по кличке Чирик-динамит. Если вы думаете, что воробьи не служат в разведке — вы глубоко ошибаетесь. Чирик мог за пять минут облететь весь пустырь, подсмотреть всё, что происходит, и вернуться с новостями, половина из которых была правдой, а половина — вражеской дезинформацией. Но мы его за это и любили.

— Мурзик! Мурзик! — зачирикал он, приземляясь мне на голову. — Беда! Срочно! За гаражом № 9 минное поле!

— Какое ещё поле? — Я сбросил воробья с головы (не больно, но принципиально — голова командира не для посадок).

— Клубничное! — Чирик затряс крыльями. — Там клубника! Красная! Спелая! А вокруг неё — ловушки!

Я напрягся. Клубника — это серьёзно. Консервная банка — это враг номер два. А клубника — это враг номер один. Потому что клубника вызывает жадность. Жадность вызывает драки. Драки вызывают раненные хвосты и обиды. А обиды — это трещина в нашем зверином братстве.

— Зови Борю, — скомандовал я.

Барсук Боря пришёл не сразу. Он копал нору под старым деревом и сначала не расслышал. Потом расслышал, но задумался: взять с собой лопату или не брать. Взял. Хотя лопата ему была не нужна — у него были лапы как ковши экскаватора. Потом он взял верёвку. Потом — зачем-то ромашку, которую нашёл по дороге. Потом споткнулся о свой хвост. Потом встал.

— Мурзик, — сказал он серьёзно. — Там реально мины?

— Не мины, Боря, ловушки. Для зверей, которые захотят клубнику съесть.

— А кто ловушки поставил?

— Дети.

Боря побледнел. Да, барсуки умеют бледнеть. Особенно когда речь идёт о детях. Потому что дети — это самые страшные минеры на свете. Они не думают о том, кто наступит. Они думают о том, как смешнее всё это соорудить.

Поле с клубникой находилось за гаражом № 9. Раньше там был огород. Потом огород забросили. А потом дети решили, что будет весело посадить клубнику и вокруг неё наставить ловушек. И они наставили.

Мы с Борей подошли к полю. Я лёг на живот и пополз вперёд. Боря за мной. Хвосты поджали. Уши прижали. Глаза — как у загипнотизированных сов.

— Первая ловушка, — прошептал я.

Передо мной лежала леска. Тонкая, прозрачная, натянутая между двух палок. Если зацепить — сверху упадёт ведро.

— Подумаешь, ведро, — фыркнул Боря. — Я однажды на себе носил три ведра с картошкой. Ну упадёт, ну погремит. Не страшно.

— Боря, — терпеливо объяснил я. — Ведро — это звук. Звук привлекает собак. Собаки — это шум. Шум привлекает людей. Люди — это большая опасность. Не всё измеряется тяжестью, понял? Есть вещи, которые легче ведра, но взрываются громче.

— Понял, — кивнул Боря. — А можно я эту леску... перегрызу?

— Сапёры не грызут, Боря. Сапёры разминируют. Аккуратно, лапами.

Я подлез под леску. Боря за мной. Но Боря больше меня. И когда он пролезал, его пузо зацепило палку. Леска натянулась.

— Замри! — зашипел я.

Боря замер. Его глаза стали размером с мой хвост.

— Ты сейчас, — прошептал я, — аккуратно, на раз-два-три, опускаешь пузо на землю. Не дёргайся.

— А если дёрнусь?

— Тогда мы с тобой будем самыми громкими барсуками и котами в этом районе. А может, и в соседнем тоже.

Боря опустил пузо. Леска чуть ослабла, но не лопнула. Я вздохнул.

— Хорошо. Теперь второе. Впереди — яма. Сверху прикрыта листом.

— Какая яма? — спросил Боря.

— Обычная. Немного глубокая. Внутри — вода.

— А зачем вода?

— Чтобы пойманный зверь намочил лапы и не мог быстро убежать. А пока он сушится — его накроют сеткой.

— Сеткой?!

— Тихо! Не ори! Сетка — это финальная ловушка. Если мы пройдем яму и ведро и леску, будет сетка. Детская тактика. Они же не военные. У них всё по шаблону. Леска — ведро — яма — сетка.

Боря почесал за ухом.

— А может, ну её, эту клубнику? Пойдем лучше консервы поищем?

— Боря, — я повернулся к нему. — Мы десантники. Мы не отступаем перед клубникой. Мы даже перед вражеской сгущёнкой не отступаем. А тут — ягода. Своя, законная, выросшая на ничейной земле. Мы должны её взять.

— Для штаба?

— Для штаба, — подтвердил я. — И лично для моего завтрака. Но в основном для штаба.

Мы двинулись дальше. Яма была обойдена по краю — Боря перешагнул, а я перепрыгнул. Ведро мы обошли слева. Сетка лежала в траве — я заметил её по металлическим кольцам, которые блестели на солнце. Аккуратно придавил её лапой, чтобы не сработал механизм.

И вот мы у клубники. Шесть кустов. Ягоды красные, крупные, пахнут так, что у меня слюнки потекли на усы. Боря тоже сглотнул.

— Мурзик, а можно я одну? Одну? Маленькую?

— Боря, мы на задании. Сначала сбор урожая, потом дегустация.

Я начал аккуратно срывать ягоды лапой. Боря — зубами. Мы действовали быстро, тихо и без паники. Потому что знали: обратный путь будет ещё сложнее. Ловушки-то остались на месте.

И тут Боря сказал фразу, которую я запомнил на всю жизнь.

— А что если... обратно не по полю идти? А через забор?

Я замер. Забор был старый, деревянный, с дырами. До него — три метра открытой местности. Но если быстро — можно успеть.

— Сапёрное чутьё? — спросил я.

— Не знаю, — честно признался Боря. — Просто... ну его, это поле. Я один раз уже леску зацепил. Второй раз могу не вывезти.

И мы пошли через забор. Перебрались. Без потерь. С ягодами. С чувством выполненного долга.

— Так, — сказал Рыжик, доедая сухарь. — А где тут разминирование? Вы же просто обошли ловушки и ушли.

— А вот и нет, — наставительно сказал я. — Мы их не обошли. Мы их разминировали. Потому что когда мы вернулись на следующий день с ежом Барбекю, мы все ямы засыпали, все лески убрали, все ведра отнесли к помойке, а сетку смотали и отдали мышке Зине — она из неё гамак сделала.

— И клубнику съели?

— И клубнику съели. Всю. С боем. Потому что на четверть ягоды мы поссорились с Борей, кто больше съел, потом помирились, потом поделили остатки по справедливости — ему больше, потому что он больше ростом, мне вкуснее, потому что я командир.

— А что Боря говорил про мину? Вы же говорили «Барсук-сапёр», а про мину ничего не было.

Я улыбнулся.

— Мина была внутри Бори. В его голове. Он думал, что клубника заминирована так, что нельзя подойти. А оказалось — можно, если думать. И ещё — если рядом есть кот, который сказал: «Боря, не ссы, я с тобой». Вот и вся наука.

— А вы бы пошли через поле, если бы он не предложил забор?

Я задумался.

— Пошёл бы. Но обратно — уже нет. Потому что вторую леску я бы точно не заметил. А Боря — заметил. Он же барсук. У него нюх на опасность. Просто иногда этот нюх отключается, потому что хочется ромашку понюхать или ведро на себе протащить.

— Он странный, — сказал Рыжик.

— Он не странный, — ответил я. — Он — барсук. А барсуки все немного сапёры. Потому что каждый день копают землю и не знают, что там, под землёй, — клад или какашка. И это и есть наша жизнь. Не знаешь, что под лапой. Но ты всё равно копаешь. Потому что ты — солдат. А солдаты не спрашивают «что там?». Они спрашивают «куда копать?».

Рыжик свернулся клубочком у моей лапы.

— А клубника была вкусная?

— Была, — вздохнул я. — Особенно та, которую я съел тайком от Бори, пока он спал. Но ты это не записывай. Это секретная информация.

— Никому не скажу, — пообещал Рыжик.

А я посмотрел на небо. Там, за гаражами, садилось солнце. А где-то под землёй сидел Барсук Боря и, наверное, снова копал. Или уже спал. Или думал, какую бы ещё ромашку сорвать. И мне вдруг стало тепло. Потому что даже у самого нелепого сапёра есть одна супер-сила: он никогда не бросает друга на минном поле. Даже если мин там нет. Даже если поля нет. Даже если друг сам — мина. Он просто идёт рядом и копает.

Глава 4. Генерал Хомяк Хрум — штабной стратег, который боялся муравьёв

— А теперь, салага, — я важно расправил усы, — я расскажу тебе про самого храброго труса из всех, кого я знал. Про генерала Хомяка Хрума.

Рыжик перестал чесать лапой за ухом и вытаращил глаза.

— Хомяк? Генерал? Но хомяки же маленькие и пухлые. Они в норках сидят и зёрнышки жуют.

— А вот и нет, — возразил я. — Бывают хомяки, которые командуют армиями. Бывают коты, которые спят на диване и никому не нужны. И бывают мыши, которые строят бункеры из спичечных коробков. Война — она не по размеру, она по духу. Запомни это раз и навсегда.

Хрум появился в нашем отряде при совершенно дурацких обстоятельствах. Мы тогда держали оборону возле трансформаторной будки. Место было стратегическое: тёплое, сухое, рядом помойка, а с другой стороны — труба, по которой можно было уйти в подземелье к кроту Шурше. Идеальный штаб. Мы уже повесили табличку «Посторонним вход воспрещён. Кусаются десантники, а также барсуки с похмелья».

И вот однажды утром я выхожу на обход — и вижу: у входа в штаб сидит... шарик. Коричневый, пухлый, с маленькими ушками и огромными щеками. Сидит и трясётся. Глаза закрыты. Лапки сложены как у молящегося.

— Ты кто? — спрашиваю.

— Я... я... Хрум, — пискнул шарик. — Хомяк. Меня... выгнали. Из норы. Муравьи пришли.

— Муравьи?

— Большие. Чёрные. Много. Они... у них лапки... и... — Хрум вдруг зарыдал так громко, что с трансформатора слетела ворона.

Я, признаться, растерялся. Крики, вопли, военные действия — это я понимал. Но чтобы здоровый хомяк плакал из-за каких-то муравьёв? Это было выше моей боевой подготовки.

— Так, — сказал я строго. — Прекратить истерику. Ты кто — боец или мокрая тряпка?

— Боец, — всхлипнул Хрум. — Я бы хотел. Но у меня лапки тонкие и я боюсь букашек.

— Дверь штаба видишь?

— Вижу.

— Заходи. Будешь у нас стратегом. Стратегам букашки не страшны, потому что они сидят на карте и водят лапкой.

— А если букашка заползёт на карту?

— Тогда мы её сдую, — пообещал я. — Вместе. Всем отрядом.

Хрум зашёл. И началось. Честно скажу: лучше бы он остался под дверью. Потому что хомяк оказался... как бы это помягче... чокнутым гением. Он расстелил на земле лист лопуха, взял уголёк и начал рисовать карту. И нарисовал такое, что я чуть не выпал из шкуры. Там были все гаражи, все помойки, все трубы, все кусты, все кочки, все лужи. С точностью до сантиметра. Я потом проверил — он ни разу не ошибся. Оказывается, Хрум до муравьёв был топографом. Он два года ползал по пустырю, измерял всё своим хомячьим шагом и зарисовывал.

— Вот здесь, — ткнул он лапкой в кучу мусора, — спрятана консервная банка с испанскими шпротами. Я её нюхал во время рекогносцировки.

— С какими? С испанскими? — облизнулся Барсук Боря.

— С испанскими. Они красные, в масле. Но до них нельзя добраться.

— Это почему? — спросил я.

— Потому что вокруг банки — вражеская территория. Королевство крысы Люции. Семь бойцов, включая самого короля. Они едят всё, что находят, и никого не подпускают.

— Берём банку штурмом! — заявил ёж Барбекю, выкатываясь из-под куста. — Я — иголками вперед! Они наколются, расстроятся и убегут!

— Глупость, — сказал Хрум. Он уже немного успокоился и даже стал важно надувать щёки. — Штурм приведёт к потерям. Крысы маленькие и злые. Они будут кусать за лапы. А у тебя, Барбекю, иголки сверху, а снизу пузо нежное. Один укус — и ты будешь ползать не вперёд, а вбок. Нет, нужен план.

Тут я впервые посмотрел на Хрума не как на трясущегося комка шерсти, а как на военного. Потому что, когда он говорил «план», его щёки перестали трястись, глаза стали холодными, а голос — низким и уверенным.

— Какой план? — спросил я.

— Отвлекающий манёвр, — сказал Хрум. — Крот Шурша прорывает туннель из-под земли прямо к банке. В это время ты, Мурзик, имитируешь атаку с воздуха — прыгаешь с забора и орёшь так громко, что крысы выбегают посмотреть. Барсук Боря в это время копает вторую нору — ложную, чтобы отвлечь королевскую гвардию. А ёж Барбекю с мышью Зиной ждут у выхода и забирают банку.

— А ты? — спросил Боря.

— А я сижу здесь, — сказал Хрум. — И боюсь муравьёв. Потому что на это я годен.

Мы выполнили план. В точности. Всё прошло как по маслу. Шурша прокопал туннель за два часа. Я заорал с забора так, что у соседней собаки уши завяли. Боря вырыл ложную нору и сам в ней застрял (это не входило в план, но отвлекло крыс даже лучше, чем мы думали). Барбекю и Зина вытащили банку.

Вечером мы сидели все вместе и ели испанские шпроты. Шпроты были величиной с мою лапу, оранжевые, и пахли так, что я до сих пор вспоминаю этот запах с дрожью в хвосте.

— Хрум, — сказал я, жуя шпроту. — Ты гений. Как ты всё это придумал?

— Легко, — сказал хомяк, осторожно откусывая от рыбки крошечный кусочек. — Я рисую карту. На карте всё просто. Берёшь врага, сворачиваешь в трубочку, раскладываешь по точкам. Муравьёв на карте нет. А крыс — есть. С муравьями я не могу. А с крысами — могу.

— Почему?

Хрум замолчал. Отложил шпроту. Посмотрел куда-то вдаль.

— Потому что муравьи — маленькие. Их много. Они лезут со всех сторон. От них не убежишь, их не обманешь, их не перекричишь. Они — как моя трусость. Как только я вижу муравья — я вижу себя. Маленького, слабого, который лезет туда, где его раздавят.

Мы молчали. Даже Боря перестал чавкать.

— А крысы, — продолжал Хрум, — они крупные. Их мало. С ними можно договориться. Их можно обойти. Или даже победить. А муравьёв — нельзя.

Я пододвинул лапой к Хруму самую жирную шпроту.

— Ешь, генерал, — сказал я. — Ты заслужил. А завтра, если хочешь, пойдём смотреть на муравейник. С другого конца пустыря. Издалека. Я с тобой.

— Зачем? — удивился Хрум.

— Затем, что даже генералы иногда должны смотреть в глаза своему страху. Не в упор, а с безопасного расстояния. Чтобы знать: враг — он не только снаружи. Он и внутри. Но если ты знаешь, что враг внутри — ты уже на полпути к победе.

Мы так и сделали. На следующий день стояли в кустах и смотрели на муравейник. Хрум дрожал, но не убегал. Я сидел рядом, положил ему лапу на спину и молчал.

Через неделю хомяк уже мог пройти в пяти метрах от муравейника. Через две — рядом. Через месяц — он топнул лапой по земле у самой муравьиной тропы. Муравьи разбежались. А Хрум... Хрум заплакал. Но в этот раз — от радости.

— Так, — сказал Рыжик. — А что с ним потом стало?

— А потом он стал нашим главным стратегом, — ответил я. — Мы выиграли три битвы за помойку, две засады у водосточной трубы и одну войну с блохами. Везде был план Хрума.

— А муравьёв он так и боялся?

— Нет, — улыбнулся я. — Муравьёв он перестал бояться. Но уважать — не перестал. Потому что настоящий стратег знает: иногда самый маленький враг — самый опасный. Особенно если этот враг — твой собственный страх.

— И он стал настоящим генералом?

— Он и был настоящим генералом. Просто в очень маленьком тельце. Как и все герои, Рыжик. Герои не бывают большими. Герои бывают теми, кто не боится признать, что боится.

Я зевнул и свернулся клубочком.

— Ладно, на сегодня хватит. Завтра расскажу, как мы брали штаб врага с помощью одной валерьянки и трёх насекомых. А сейчас — спи. И пусть тебе снятся хомяки-генералы. И муравьи, которые убегают.

— А вы правда их победили? — спросил Рыжик сонно.

— Кого, муравьёв? Нет, Рыжик. Муравьёв победить нельзя. Но можно победить свой страх перед ними. И это — самая большая победа на этой войне. А теперь — марш спать!

Глава 5. Белка-снайперка Зина: попадание с двухсот метров грецким орехом

— Сегодня, салага, — я загадочно прищурился и понизил голос до шёпота, — я расскажу тебе про оружие массового поражения. Нет, не про валерьянку. И не про мой фирменный удар хвостом. Я расскажу про белку.

Рыжик, который дремал на старом половике, тут же открыл глаза.

— Белка? Они же орехи собирают и прыгают по веткам. Какое из них оружие?

— Орехи как раз и есть оружие, — назидательно сказал я. — Если эти орехи кидает белка Зина. С двухсот метров. Тебе в голову. Попробуй потом почесать ухо, когда в нём застряла скорлупа.

Это была история о том, как мы чуть не проиграли войну из-за одной пушистой хвостатой диверсантки. И о том, как потом она стала нашим самым страшным союзником.

Всё началось с яблока. Не простого яблока, а дикого. Кислого. Маленького. Которое росло на яблоне за бетонным забором. Яблоко это было стратегическим объектом номер один на протяжении трёх недель. Потому что под той яблоней проходила граница нашей территории и территории Враждебного Лесополосного Союза — банды белок, возглавляемых таинственным лидером по прозвищу Пушистый Ужас.

Мы тогда только-только разведали, что за забором кто-то есть. Барсук Боря, который рыл траншею для усиления обороны, наткнулся на подземный ход.

— Там кто-то живёт, — сказал он, отряхивая землю с усов. — Я слышал цоканье.

— Мыши? — спросил я.

— Нет. Кто-то прыгает. И ругается. На своём, на ...

— Может, просто ветки стучат? — предположил ёж Барбекю.

— Ветки не говорят «ой, ну где этот орех, я его вчера туда положила», — обиделся Боря. — Я, между прочим, разведчик неплохой.

— Ты — сапёр, — напомнил я.

— Сапёр с разведческими наклонностями, — парировал Боря.

Спор прервал звон. Металлический, короткий, резкий. Бум! И что-то просвистело над моим ухом.

— Ложись! — заорал я и прижался к земле.

Рядом что-то щёлкнуло по шиферу. Я поднял голову. Рядом с моей лапой лежал... грецкий орех. Расколотый пополам. С ядром, которое издевательски торчало наружу.

— Это что? — спросил Барбекю, трясась.

— Это предупреждение, — сказал я мрачно. — Снайпер. Беличий.

— Откуда ты знаешь, что беличий?

— Потому что мыши не умеют кидать орехи на двести метров, а птицы не умеют целиться так точно. Смотри.

Я показал на забор. Там, на самой высокой точке, сидела... белка. Рыжая. Пушистая. С хвостом как оперение ракеты. И в лапах у неё был... ещё один орех. Грецкий. Крупный.

Она прищурилась. Прицелилась. И кинула. Орех пролетел над пустырем. Я чётко видел его траекторию: идеальная дуга, вращение вокруг оси, попадание в цель. Целью была консервная банка, стоявшая на бревне. Орех попал прямо в этикетку. Банка упала. Белка на заборе довольно цокнула.

— Она издевается, — прошептал Боря.

— Она тренируется, — поправил я. — И готовится к войне.

Мы объявили сбор штаба. Пришли все: Хомяк Хрум (на всякий случай надевший каску из половинки теннисного мячика), мышь Зина, крот Шурша (который сначала упирался, что ему не хочется, потом приполз), Барбекю и Боря.

— Итак, — сказал я. — Обстановка. За забором — неизвестный беличий отряд. Лидер — рыжая самка с высоким уровнем агрессии. Вооружение — орехи. Твёрдые. Тяжёлые. Дальность — до двухсот метров. Точность — снайперская.

— Может, договориться? — робко предложил Хрум. — Я могу составить карту переговоров.

— С кем договариваться? — возразила Зина-мышь. — Белки — они гордые. Они лучше умрут, но орех не отдадут.

— А нам от них что нужно? — спросил Шурша из-под земли (он всегда говорил оттуда, чтобы его не заметили). — У нас своя территория. Пусть живут за забором.

— Яблоко, — сказал я.

Все замолчали.

— Какое яблоко? — переспросил Боря.

— Дикое. Кислое. Которое висит на ветке у самой границы. Если мы его возьмём — это будет символ. Знак, что граница наша. Если не возьмём — белки почувствуют слабость и пойдут дальше.

— И что, война из-за яблока? — удивилась мышь Зина.

— А ты думала, из-за чего бывают войны, Зина? — вздохнул я. — Из-за еды. Из-за территории. И иногда — из-за гордости. А яблоко здесь — просто повод.

План Хрума был прост, как мышиная нора: ночью, когда белки спят, Боря роет подкоп под забором, я подкрадываюсь к яблоне, срываю его и бегу обратно.

— А что там — за забором? — спросил Боря с сомнением.

— Там враг, — ответил Хрум. — Но он спит. Или не спит. Вот карта. Нарисовал примерно.

— Примерно?

— Ночью плохо видно, — честно признался хомяк. — Но орехов там много. Примерно.

Подкоп занял три часа. Боря копал, я таскал землю. Шурша помогал снизу. К утру мы были у самой яблони. Ветка с яблоком свисала прямо над нами. Я потянулся... и тут услышал цоканье.

Не одно. Много. Цок-цок-цок-цок-цок.

Я поднял голову. На ветках сидели... белки. Десять. Пятнадцать. А может, двадцать. В темноте их глаза светились, как маленькие фонарики. И у каждой в лапах было по ореху.

— Попались, — сказала та самая рыжая белка с забора. — А мы не спим. Мы вас ждали. Потому что мы — ночные белки. Есть такие.

— Не бывает ночных белок, — прошептал Боря.

— А вот и бывают, — ответила белка. — Мы особое подразделение. Спецназ Пушистого Хвоста.

— Вы что, армия?

— А ты думал, одни коты воюют? — белка усмехнулась. — Я — Зина. Старший снайпер. А это моя команда. И сейчас вы получите орехами по лбу. Если, конечно, не согласитесь на перемирие.

— Какое перемирие?

— Очень простое. Вы не лезете за забор — мы не кидаем орехи. Делим территорию по яблоне. Вам — ваш пустырь. Нам — наши деревья.

— А яблоко? — спросил я, косясь на кислый плод.

— А яблоко, — сказала Зина, — мы поделим. Пополам. Одну половину — вам. Вторую — нам. И заключим союз.

Я задумался. С одной стороны, капитуляция. С другой — орехи по лбу. С третьей — союз со снайперами — это вам не шутка.

— Хорошо, — сказал я. — Договорились. Но у меня есть условие.

— Какое?

— Ты, Зина, будешь тренировать наших бойцов. Метанию орехов. Мы должны быть готовы к любым войнам.

Белка удивилась. Потом улыбнулась. Потом кинула орех — но не в меня, а в банку. Попала.

— Договорились, — сказала она. — Но учтите. Я строгая. И если кто-то пропустит тренировку — получит орехом. По лбу.

Так белка Зина стала нашим снайпером и инструктором по метанию твёрдых предметов. Через месяц ёж Барбекю попадал орехом по консервной банке с пятнадцати метров. А Барсук Боря — с тридцати.

— А яблоко? — спросил Рыжик. — Вы его съели?

— Съели, — вздохнул я. — Кислое оказалось. Ужасно кислое. Зина потом призналась: они его специально не трогали, потому что оно невкусное. Просто приманка для глупых котов.

— А вы не обиделись?

— Я — обиделся? — фыркнул я. — Я, Мурзик, обиделся на кислое яблоко? Нет, Рыжик. Я сделал из этой кислятины стратегический вывод.

— Какой?

— Самые опасные войны случаются из-за того, что не стоит и выеденного ореха. А самые крепкие союзы — из-за того, на что всем наплевать. Главное — не забывать: даже если враг кидает в тебя орехами, у него может быть причина. И иногда эта причина — просто страх. Что ты отнимешь его дерево. Или его дом.

— А белка Зина? — спросил Рыжик. — Она до сих пор с вами?

— Она теперь на пенсии. Сидит на сосне, кидает орехи в особо наглых ворон. Говорит, это полезно для меткости. А раз в неделю приходит к нам на чай с сухарями. И всегда приносит горсть свежих орехов. На всякий случай.

— Для стрельбы?

— Для дружбы, — улыбнулся я. — Для дружбы, Рыжик. Орехи — они ведь не только оружие. Они ещё и еда. И повод помириться.

— А что, если бы вы отказались от перемирия? — спросил котёнок.

— Тогда сейчас бы у тебя на голове была шишка, — ответил я, зевая. — И не одна. Белки — они мстительные. И меткие. А я — хитрый. Поэтому мы и договорились. Потому что война — это последнее дело. А дружба — первое. Даже если друг кидается орехами. Особенно если кидается — значит, у него есть характер. А с характерными всегда интереснее.

— И она правда научила вас кидать орехи? — спросил Рыжик.

— Правда, — усмехнулся я. — Хочешь, завтра покажу? У нас во дворе есть старая банка. И грецкий орех в заачке. Главное — не попади в Борю. У него и так голова после копания болит.

— А если попаду?

— Тогда будешь чистить ему шкурку от ореха. Лапками. Садись, завтра с утра и начнём. А сейчас — спать. Завтра много дел.

Рыжик свернулся калачиком. Я вздохнул, посмотрел на забор. Там, в темноте, блестели два огонька. Может, звезда. Может, глаза белки. А может, новый враг. Или друг. Война не кончается. Она просто превращается в историю. Которую рассказывают маленьким рыжим котяткам, чтобы те знали: орех может быть страшнее пули. Если белка злая. Но если белка добрая — то орех просто орех. И даже вкусный.

Глава 6. Про кабана Петровича: таран, фугас и бочку с тушёнкой

— Сегодня, салага, — я облизнулся от воспоминаний, — будет история о том, как мы едва не погибли от собственного аппетита. И о том, что даже самая большая бочка с тушёнкой — не повод терять голову.

Рыжик подскочил как ошпаренный.

— Тушёнка?! Настоящая? Большая бочка?!

— Заткнись и слушай, — строго сказал я. — А то разболтаешь тут, прибегут бездомные псы, и нам ничего не останется. Даже банки.

Это была история о кабане. Не о том кабане, который в лесу живёт и жёлуди жуёт. О другом. О Петровиче. Он служил в соседнем дворе охранником. Он был огромный, чёрный, с клыками, которые торчали из пасти как два кривых кинжала. Ходил важно, землю копал только для дела, а если на кого рычал — у того поджилки тряслись так, что хвост отваливался.

Мы его боялись. Не то чтобы трусили, но уважали. Потому что Петрович однажды одним ударом головы выломал калитку, за которой пряталась свора бродячих псов. После этого псы убрались за три квартала и больше не возвращались.

Кабан был один. Гордый. Справедливый, но жуткий.

— И что, вы с ним подружились? — спросил Рыжик.

— Не сразу, — ответил я. — Очень не сразу. И повод для дружбы был... необычный. Смертельно вкусный.

Всё началось с грузовика. Однажды утром во двор заехала огромная машина. С неё скинули две бочки. Железные. Блестящие. Ржавые с одного бока. И на каждой была нарисована свинья. Не просто свинья, а свинья в фартуке и с ложкой.

— Тушёнка, — прошептал Барсук Боря, когда мы выглядывали из-за куста. — Военная. Настоящая. Я чую за три метра.

— Я чую за десять, — сказал я. — И не просто тушёнка. Это особый вид. «Свинья с гречкой». Деликатес. Стратегический запас.

Бочки стояли у стены сарая. Никто их не охранял. Никого вокруг — ни людей, ни собак. Только ветер дул и листья шуршали.

— И что, — спросил ёж Барбекю, выглядывая из-под другого куста. — Мы их... того?

— Мы их берём, — твёрдо сказал я. — Это наша территория. Раз бочки привезли — значит, для нас. Кто первый — того и тушёнка.

Мы начали разрабатывать план. Хрум начертил схему на песке. Зина-белка вызвалась быть наблюдателем. Шурша обещал подкопаться снизу. Боря — оттащить бочку в укрытие.

— Учтите, — сказал Хрум, постукивая лапкой по карте. — Бочки тяжёлые. Каждая по десять котов весом. Если не справитесь — выдохнетесь и станете лёгкой добычей для... ну, для тех, кто захочет вас съесть.

— Кто нас захочет съесть? — спросил Барбекю с ужасом.

В ответ раздался хруст. Громкий. Мерный. За сараем кто-то жевал. Я выглянул. За углом, привалясь спиной к стене, сидел Петрович. Кабан. Он жевал капустный лист и смотрел на бочки. Точнее, на одну бочку. Ту, что поближе.

— Ох, — сказал я. — Вот это проблема.

— Какая? — не понял Боря.

— Он нас опередил, — прошептал я. — Петрович тоже хочет тушёнку.

— А почему он не берёт?

— Ждёт. Наверное, думает, что бочки с сюрпризом.

Так оно и было. Петрович был старый, мудрый и подозрительный. Он видел много войн: с людьми, с собаками, с тракторами. Он знал, что если бочка с тушёнкой просто так стоит у стены — значит, в ней либо мыши, либо отравы, либо ловушка.

И он ждал. А ждать он умел. Мог сидеть сутками. Не шевелиться. Только жевать капусту и изредка похрюкивать.

— У нас нет суток, — сказал я отряду. — Бочки могут увезти. Или испортиться. Или их съедят другие.

— Кто другие? — спросила мышь Зина.

— Мы, например, — хмуро ответил я. — Если решимся.

Я вышел из куста. Не крадучись, а спокойно, как командир на переговоры. Подошёл к Петровичу. Сел напротив. Посмотрел ему в глаза. Кабан был огромный. Его тень закрывала полсарая.

— Здравсьте, — сказал я.

— Здорово, рыжий, — пробасил Петрович, не переставая жевать. — Чего надо?

— Бочку, — честно ответил я. — Одну. Вторую вам оставим.

— С чего бы?

— Мы десантники. Нам нужна еда для боевого духа. А вам, я смотрю, и капуста неплохо идёт.

Петрович усмехнулся. Клыки сверкнули на солнце.

— Капуста — это трава, — сказал он. — А тушёнка — это мясо. Мясо я люблю. И не отдам. Ни одну. Идите отсюда, пока я вас не размазал по забору.

Я не ушёл. Потому что я Мурзик. И если кто мне говорит «иди отсюда», я сначала иду, но потом возвращаюсь. С планом.

План родился у Хрума через час. Он был сумасшедший. Он был опасный. Он мог нас убить. Но он был единственным.

— Ты хочешь, — сказал я, когда Хрум закончил, — чтобы Петрович сам открыл бочку?

— Да, — кивнул хомяк. — Он большой. Он сильный. Он откроет без проблем. А когда откроет — мы отвлекаем его, и Боря с Шуршей вытаскивают тушёнку.

— Чем отвлекаем?

— Валерьянкой, — сказал Хрум. — У Зины-белки есть запас. Важный, стратегический. Наденем на палку тряпку, нальём валерьянки, помашем перед кабаном. Он, конечно, не кот, но говорят, кабаны тоже на этот запах ведутся.

— Кто говорит?

— Сорока на заборе. Она всё про всех знает.

Мы сделали, как велел Хрум. Бека Зина притащила пузырёк. Боря размочил тряпку. Шурша прокопал ход к бочке. Барбекю сидел в засаде с грецкими орехами (на всякий случай — отвлекать собак). А я пошёл к Петровичу.

— Слышь, Петрович, — сказал я, держа палку с тряпкой за спиной. — А ты слышал про валерьянку?

— Не, — кабан насторожился. — Это что?

— Трава такая. Успокаивает. От нервов. У тебя, я смотрю, ус дёргается. Нервничаешь, наверное. Из-за бочки.

— Не нервничаю, — буркнул Петрович, но ус дёрнулся сильнее.

Я вытащил палку. Тряпка пахла так, что у меня самого голова закружилась. Кабан потянул носом. Глаза его стали задумчивыми.

— Понюхай, — сказал я. — Это лучше чем тушёнка. Это покой. Это сон. Это — ничегонеделание в чистом виде.

Петрович понюхал. Ещё раз. Ещё. Его веки отяжелели. Кабан покачнулся. Потом встал на колени. Потом лёг и... захрапел.

— Сработало! — заорал я. — Боря, Шурша — вперёд!

Барсук и крот бросились к бочке. Я кинулся к другой — той, что была ближе. Мы катили их, толкали, подпирали головами, пихали лапами. Бочки были тяжёлыми, как бабушкины чемоданы.

— Не допрём! — закричал Боря, когда мы застряли в трёх метрах от кустов.

— Допрём, — прохрипел я. — Ещё рывок!

В этот момент Петрович открыл глаза. Он посмотрел на нас. Посмотрел на бочки. Посмотрел на пузырёк с валерьянкой. Потом медленно поднялся. Пошатываясь. Злой.

— Вы, — сказал он, — меня... отравили?

— Это не отравка, — быстро ответил я. — Это лекарство. Вы просто поспали.

— Я не хотел спать. Я хотел — бочку!

Петрович разбежался. Не на нас — на бочку. Ту, что была у стены. Он ударил в неё головой. Раз, другой, третий. Крышка подскочила. Из бочки вывалилась... не тушёнка. Оттуда вывалилась куча старых тряпок. Идохлая крыса.

Мы замерли.

— Это не та бочка, — прошептал Шурша.

— А какая — та? — спросил Боря.

— Другая, — сказал я. — Которая у нас.

Мы подкатали нашу бочку. Петрович, хрипя от злости, подошёл. Ударил. Крышка не поддалась. Ещё раз. Ещё. Наконец железо прогнулось. И оттуда пахнуло... запахом настоящей, военной, свиной с гречкой тушёнки.

— Это она, — выдохнул Петрович. — Это — настоящая.

Он засунул рыло в бочку. И замер. Потом вытащил голову. В зубах у него был кусок мяса. Он жевал. И плакал.

— Что с вами? — спросил я.

— Это... это как в детстве, — всхлипнул кабан. — Когда я ещё поросёнком был, нам давали такую тушёнку. Мама грела. С картошкой. А потом война пришла, маму... ну, не важно. Важно, что я нашёл. Я думал, такое уже не едят.

Мы сидели вокруг бочки. Все: я, Боря, Шурша, Зина-белка, Барбекю, даже Хрум вылез из норы. Петрович разделил тушёнку поровну. Всем по куску. Себе взял чуть больше — потому что большой.

— А как же бочка с тряпками? — спросил Рыжик, когда я замолчал.

— А бочка с тряпками оказалась приманкой. Для глупых зверей. Хозяин двора специально поставил две бочки: одна — настоящая, вторая — фальшивая, чтобы воры мучились. Но Петрович был умный. Он ждал. А мы были наглые. Мы полезли первыми.

— И что, вы поделили тушёнку и разошлись?

— Почти, — усмехнулся я. — Петрович сказал: «Мурзик, ты мне солгал с валерьянкой. Но ты честно лез за едой. Не за моей, а за своей. За это уважаю». И стал нашим союзником. Все войны, которые шли потом — с собаками, с чужими котами, с бомжами — Петрович был с нами. Он таранил врагов. Он копал укрепления. Однажды даже фугас обезвредил — бочку с краской, которую хотели взорвать злобные вороны.

— Он был героем?

— Он был другом, — сказал я. — Что важнее героизма. Потому что герой может быть один. А друг — он всегда с тобой. Даже если у него клыки до земли и он храпит как трактор.

— А тушёнка? — мечтательно спросил Рыжик.

— Тушёнку мы съели. Всю. Полбочки. Остальное Петрович утащил к себе в закуток и ел неделю. Говорил, что вспоминает маму. Мы не мешали. Иногда прошлое — это единственное, что делает нас сильными. Даже если это прошлое — просто кусок мяса в железной банке.

Рыжик вздохнул.

— А мне никогда не давали тушёнки, — грустно сказал он.

— Будешь хорошо служить, — пообещал я. — Дадим. С гречкой. Или без. Главное — не бояться больших кабанов. Иногда они самые добрые. Просто их никто не понимает, пока не поделят с ними бочку тушёнки.

— А если бочка окажется с тряпками?

— Тогда, — я зевнул, — тогда ты поймёшь, что такое настоящая солдатская обида. Но это уже другая история. Для другого раза.

Глава 7. Лиса Алиса — подрывница из вражеского тыла (и как я её разжаловал)

— Сегодня, салага, — я понизил голос до таинственного шёпота, — я расскажу тебе про предательство. Про красивое предательство, с рыжим хвостом и сладкими речами. Про лису, которая чуть не уничтожила наш отряд.

Рыжик напрягся. Его собственный хвост, ещё куцый и подростковый, нервно дёрнулся.

— Лиса? Это та, которая кур крадёт и сказки рассказывает?

— Именно, — кивнул я. — Только в наших краях лисы не кур крадут. Они крадут доверие. А это, поверь, гораздо ценнее любой курицы.

Это случилось после той самой истории с кабаном Петровичем. Мы были на коне. Сытые, довольные, уверенные в себе. У нас был стратег Хрум, снайпер Зина-белка, сапёр Боря, связист Шурша, таран Петрович... Казалось, что ни одна сила в мире не сможет нас победить.

И тут появилась она. Рыжая. Пушистая. С глазами, как два янтаря. И голосом — мягким, как весенняя трава. Лиса. Я впервые увидел её у водопроводной трубы. Она пила воду, наклонив красивую голову, и каждые несколько секунд поднимала взгляд на меня — не испуганный, а весёлый, с хитринкой.

— Привет, вояка, — сказала она, стряхивая капли с морды. — Давно за тобой наблюдаю. Красиво воюешь.

— Я не воюю, — насторожился я. — Я защищаю территорию.

— Ой, да какая разница, — лиса грациозно подошла поближе. — Война, защита — всё это суeta. Я, знаешь ли, пацифистка. Не люблю насилие. Люблю мир, дружбу и... ну, может, иногда курочку. Но редко. По большим праздникам.

— Как тебя зовут?

— Алиса. А тебя я знаю — Мурзик. Легендарный рыжий десантник. О тебе даже вороны на помойке поют.

— Вороны не поют. Они каркают.

Алиса засмеялась. Серебристым таким смехом, будто колокольчик разбили.

— Ты мне нравишься, Мурзик. Ты умный. А умные коты понимают: война ни к чему хорошему не приводит. Давай дружить?

Я не повёлся. Ну, то есть не сразу. Потому что я, знаете ли, видал виды. И чутьё у меня на красивых проходимцев — ой какое. Но когда Алиса пришла в штаб и принесла с собой... трёх жирных голубей. Зажаренных. С картошкой. Прямо с помойки с ресторана. Я засомневался.

— Это вам, — сказала она, кланяясь. — За мир и согласие.

Мы ели голубей. Барбекю объелся и заснул. Боря облизывал лапы три часа. Даже Хрум, который обычно не доверял никому, взял кусочек и вежливо кивнул.

— Хорошая лиса, — сказал хомяк. — Порядочная.

— Время покажет, — ответил я.

Алиса стала приходить каждый день. Сначала с гостинцами. Потом с советами. Потом — с «важной информацией из вражеского тыла».

— Там, за трансформаторной будкой, — шептала она однажды утром, — засада. Собаки из соседнего двора. Хотя напасть ночью.

— Откуда знаешь?

— Слышала. У меня слух тонкий. Лучше любого локатора.

Мы готовились к обороне. Хрум начертил карту. Боря закопал «мины» — старые кастрюли, которые при наступлении должны были гроыхать и пугать собак. Петрович дежурил у входа. Я сидел в засаде.

Ночь пришла. Темно, хоть глаз выколи. Мы ждали. Ждали. Ждали. Никто не пришёл. Оказалось, что собаки в тот момент спали. И вообще. Они даже не знали о нашем существовании. Алиса нас просто... отвлекла.

— Зачем она это сделала? — спросил Боря, когда мы утром разбирали укрепления.

— Чтобы мы устали, — мрачно сказал я. — Чтобы потратили силы. И не заметили, как она... обнесёт наши запасы.

Запасов у нас было много. Консервы, сухари, грецкие орехи, вяленые яблоки, стратегический запас валерьянки. Всё это хранилось в тайнике под старым шифером. Мы проверили. На месте. Всё на месте.

— Видите? — обрадовалась Алиса. — Я же говорила. Я честная.

Но я уже начал копать. Не шифер, а глубже. Под ним, в земле, Шурша нашёл... пустоту. Туннель. Свежий. Который вёл напрямик к... куче мусора за забором.

— Она грабила нас, — прошептал Шурша. — Маленькими порциями. Каждый день по чуть-чуть. Туннель прорыла ночью. А днём отвлекала нас гостинцами.

— Гостинцы были краденными? — спросил Боря.

— Гостинцы были нашими. Нашими же сухарями и орехами. Она просто закапывала одно, чтобы мы съели, а другое — утаскивала под землёй.

Я разозлился. Не потому, что жалко еды. А потому, что меня, Мурзика, ветерана, героя, пытались обмануть красивой мордой и сладким голосом.

— Устроим лисью охоту, — сказал я.

Мы с Хрумом разработали план. Не карательный, а воспитательный. На следующий день Алиса пришла как ни в чём не бывало. Принесла «свежие новости».

— Враги! Враги у помойки! Целая стая крыс! — затараторила она.

— Алиса, — сказал я спокойно, — садись.

— Что?

— Садись. Будем разговаривать.

Лиса села. Но хвост её нервно дёргался.

— Мы знаем про туннель, — сказал я. — Знаем про кражу. Про то, как ты нас обманывала. Вопрос: зачем?

Алиса молчала. Потом вдруг заплакала. Не фальшиво — всамделишно, с носовыми всхлипами и дрожащей губой.

— Потому что я... одна, — сказала она. — С детства одна. Меня выгнали из норы, когда я маленькая была. Я не умела ничего, кроме как врать и воровать. Это единственное, чему я научилась в жизни. Вы мне поверили, а я... я не смогла не украсть. Потому что если я не украду — кто я тогда? Просто рыжая пушистая никто.

Я молчал. Потому что понимал: иногда плохие поступки — это не злоба. Это страх. Страх остаться голодной. Одинокой. Ненужной.

— Мы тебя не прогоним, — сказал я. — Но накажем.

— Как?

— Разжалуем, — ответил Хрум, вылезая из-под шифера. — Будешь не подрывницей и не диверсанткой. Будешь... рядовой боец тыла.

— Что я должна делать?

— Мыть миски. Чистить консервные банки после ужина. Следить, чтобы у Барбекю не кололись иголки во сне. И... каждую неделю приносить по кусочку честной еды. Без обмана.

— А если я не смогу честно?

— Тогда ты уйдёшь, — просто сказал я. — Но мы дадим тебе шанс. Один. Потому что каждый заслуживает шанс. Даже лиса.

Алиса осталась. Первую неделю она мыла миски и ворчала. Вторую — начала чистить банки сама, без напоминаний. Третью — принесла настоящую, честную курицу. Не краденую, а найденную в помойке за магазином, куда её выбросили просроченную.

— Я старалась, — сказала она, опуская глаза.

— Молодец, — кивнул я.

— А можно теперь обратно в разведку?

— Нет, — улыбнулся я. — Пока нет. Сначала заслужи. Честностью. А не хитростью.

— Так, — сказал Рыжик, когда я закончил. — А она правда исправилась?

— Исправилась, — кивнул я. — Алиса потом стала нашим лучшим тылови́ком. Она знала все помойки в округе. Все тайники. Все запасы. Она снабжала нас едой лучше любой воровки.

— Но вы её так и не простили?

— Простил, — вздохнул я. — Но не забыл. Потому что прощать — это легко. А помнить — трудно. И важно. Помнить, что красивые слова часто скрывают грязные дела. А грязные дела иногда — просто крик о помощи.

— И вы с ней дружите до сих пор?

— До сих пор, — кивнул я. — Она даже крёстная мать моих племянников. Приходит по воскресеньям, приносит пирожки. Ну, или то, что похоже на пирожки. Из помойки.

— А пирожки вкусные?

— Вкусные, — усмехнулся я. — Особенно когда знаешь, что они честные. Даже если немного черствые.

— А вы бы её сейчас приняли в отряд, если б она снова пришла?

— Принял бы, — твёрдо сказал я. — Но сначала заставил бы вымыть все миски. Два раза. Для профилактики. Потому что лиса — она и есть лиса. Хвост пушистый, а норов хитрый. Но если этот норов направить в мирное русло — получится не диверсант, а клад. Ценный, рыжий, с запахом честности.

— А вы не боитесь, что она опять обманет?

— Боюсь, — честно признался я. — Но страх — это не повод отказываться от дружбы. Это повод быть внимательным. И иногда — давать второй шанс. Даже если шансов больше нет. Особенно если их нет.

Рыжик зевнул.

— А я когда-нибудь стану таким же мудрым, как вы?

— Нет, — сказал я. — Потому что я единственный Мурзик. А ты — это ты. И у тебя будет своя мудрость. Может быть, даже лучше моей. А пока — запомни: не всякая рыжая пушистая — тебе друг. Бывает, что рыжая пушистая — это враг. Но и врага иногда можно превратить в друга. Если у тебя хватит смелости не убить, а поговорить.

— И если хватит тушёнки, — добавил Рыжик сонно.

— И если хватит тушёнки, — согласился я. — Тоже важный аргумент.

Глава 8. Слон Сеня в тельняшке: как мы бразильские джунгли брали

— Салага, — я многозначительно помолчал, выдержал паузу и прищурился, — ты думаешь, что война бывает только в твоём дворе? Что подвиги совершаются только у помойки или под старым дубом? А вот и нет. Я, Мурзик, воевал в настоящих джунглях. В Бразилии. Со слоном.

Рыжик поперхнулся сухариком.

— С каким слоном?! Вы же кот! Как вы до Бразилии добрались?!

— На попутном корабле, — небрежно бросил я. — Долгая история. Но если ты меня ещё хоть раз перебеёшь, я расскажу тебе про нашего кота-моряка, который укачался и блевал три недели. А история про слона интереснее. Так что слушай и молчи.

Это было давно. Ещё до того, как я стал ветераном и героем. Я был молодым, наглым, рыжим и, как сейчас бы сказали, искал приключений на свой пушистый хвост.

Однажды я забрёл в порт. Не в наш, городской, а в настоящий морской порт. Там пахло рыбой, соляжкой и приключениями. Я шёл на запах рыбы и вдруг услышал странный звук: «Ту-ту-тууу». Не пароход. Не машина. Кто-то играл на трубе. Плохо, но душевно.

Я выглянул из-за ящика. На причале, под пальмой (да, у нас были пальмы? Не помню, но пусть будут — для антуража), сидел... слон. Огромный, серый, с маленькими весёлыми глазами. И в хоботе он держал... тельняшку. Не полосатую, как у меня. А с синими полосками. Морскую. Настоящую.

— Привет, — сказал я.

— О, земляк! — слон опустил тельняшку. — Ты откуда?

— Местный, — соврал я. — А ты?

— Я-то? Я Сеня. Из Бразилии плыл. Нас, слонов, там много. Но мне стало скучно. Вот и поплыл куда глаза глядят. А тут этот порт. Пахнет рыбой. Решил отдохнуть.

— А тельняшка?

— А тельняшка — это мечта, — вздохнул Сеня. — Я всегда хотел быть моряком. Или десантником. Но слонов в десант не берут — слишком заметные. Представляешь? Я бы парашют раскрыл — и полнеба закрыл. Кому такое надо? Вот и плаваю. Так, на вольных хлебах.

Сеня мне понравился. С первого вздоха. Потому что он был грустный, большой и уютный. Как гора, на которой можно спать. И при этом он играл на трубе. Плохо, но душевно.

— А что ты здесь делаешь, рыжий? — спросил он.

— Ищу, чем поживиться, — честно признался я. — И, может быть, приключений.

— Приключений? — Сеня оживился. — А давай вместе. Я сильный. Ты хитрый. Мы такая команда будем! Как в кино.

— В каком кино?

— В бразильском. Там все такие — один слон, один кот. И они спасают мир.

— А мир в Бразилии какой?

— Джунгли, — мечтательно сказал Сеня. — Шумят, зелёные, полные обезьян и попугаев. И все друг друга хотят съесть. Красота!

И мы отправились. Не в Бразилию (потому что я не знал, где это), а в сторону больших складов у реки. Там, по слухам, водились самые жирные крысы и самые вкусные консервы.

Джунгли мы нашли быстро. Это был старый заброшенный парк за речным портом. Деревья росли так густо, что солнце не пробивалось. Ветви свисали, как змеи. В кустах кто-то шуршал, шипел и иногда ругался на непонятном языке.

— Это обезьяны, — сказал Сеня. — Они любят бросаться кокосами. И оскорблять.

— Ты их понимаешь?

— Я слон. Я всех понимаю. Особенно когда бросаются кокосами.

Мы вошли в джунгли. Сначала было тихо. Потом раздался крик: «А-а-а-а! Чужаки! Бей их!» Сверху посыпались кокосы. Твёрдые, зелёные, тяжёлые. Один попал мне по голове. Я устоял. Второй — по спине. Я пригнулся. Третий — по уху. Я рявкнул:

— Прекратить! Я кот! Я полиция!

— Какая полиция? — заверещала обезьяна на ветке. — Это наши джунгли! Уходите!

— А кто сказал, что ваши? — спросил Сеня спокойно.

— Мы сказали! Мы здесь живём сто лет! Наши предки жили!

— А наши предки, — сказал Сеня, — жили в Африке и Индии. И что теперь? Воевать из-за кокосов?

Обезьяны задумались. Они были маленькие, юркие, с хвостами-рулями и наглыми глазами.

— Да, — сказала главная обезьяна. — Будем воевать. Если вы не уйдёте. А вы не уйдёте?

— Не уйдём, — сказал я. — Мы ищем приключения. И консервы.

— Консервов здесь нет, — фыркнула обезьяна. — Есть кокосы, бананы и иногда протухшие апельсины. Но вам их не дадим.

— А если я буду играть на трубе? — предложил Сеня. — Вы будете плясать, а я буду играть. И поделим всё пополам.

— А ты умеешь играть?

— Нет, — честно признался Слон. — Но могу научиться.

Обезьяны заржали. Но не зло, а весело. Оказалось, они тоже любят музыку. Особенно когда на трубе играет слон. Потому что это смешно и не страшно.

Так началась наша дружба. Сеня дудел в трубу. Обезьяны плясали. Я сидел на спине у Сени и командовал: «Громче! Тише! Не туда!». Кокосы мы поделили. Бананы тоже. А протухшие апельсины отдали крысам — им нравится.

— А как же война? — спросил Рыжик. — Вы же должны были воевать!

— А мы и воевали, — улыбнулся я. — Со скукой. С одиночеством. С мыслью, что ты один и никому не нужен. Обезьяны были злые, потому что их боялись. А мы их не боялись. Мы играли на трубе. И они стали добрыми.

— А что было потом?

— А потом мы нашли консервы. Целый ящик. С этикетками на португальском. «Сардины в томате». Сеня открыл хоботом, мы съели. Обезьянам дали попробовать — им не понравилось, они любят бананы.

— И вы вернулись домой?

— Сначала поплавали ещё немного, — вздохнул я. — Сеня хотел уплыть в Африку. Но я отговорил. У нас тут, во дворе, тоже джунгли. Просто маленькие. И обезьян нет. Но зато есть белки, ежи и барсуки. Также боевые.

— И Сеня остался?

— Нет, Сеня уплыл. Дальше. Он хотел увидеть мир. Я его понимал. Слон в одном дворе не поместится. Но он обещал вернуться. И однажды вернулся.

— Правда?

— Правда. Через три года. К тому моменту у нас уже воевал Петрович-кабан. Они встретились. Слон и кабан. Думаешь, подрались?

— Наверное?

— Нет, — рассмеялся я. — Они сели пить чай. Сеня рассказал, как плавал в Индию. Петрович — как гонял собак. Потом Сеня поиграл на трубе. Петрович похрюкивал в такт. А я спал на спине у слона. Как в старые добрые времена.

— А где теперь Сеня?

— Уплыл опять. В Австралию. Говорит, там кенгуру. Хочет подружиться. Я ему дал с собой тельняшку. Запасную, — я вздохнул. — Моряки, они такие. Вечно в пути. Но дружат — навсегда. Даже через океан.

— А вы скучаете?

— Иногда, — признался я. — Особенно когда идёт дождь. Сеня любил стоять под дождём и подставлять хобот. Говорил, что это его йога. А я прятался у него под ухом. Там было тепло и сухо. Как в норе. Только больше.

— А если бы вы воевали по-настоящему? С кем-то злым и большим?

— Тогда я бы позвал Сеню. Он бы приплыл. Ударом хобота — и нет врага. Но Сеня не любит драться. Он любит играть на трубе. И есть бананы. И это его оружие. Труба и доброта.

— Доброта — это оружие? — удивился Рыжик.

— Самое сильное, — кивнул я. — Попробуй быть добрым с тем, кто зол. У него крыша поедет. Он не поймёт. Или поймёт — и станет добрее. Я таких историй знаю сотню. Сеня — одна из них.

Рыжик зевнул.

— А вы научите меня играть на трубе?

— Нет, — усмехнулся я. — У меня лапы короткие. А у Сени — хобот. Но я могу научить тебя другому. Мурлыкать военную песню. Это сложно. Но если стараться — получается.

Я замурлыкал. Рыжик подхватил. Мы сидели у забора, мурлыкали и смотрели на облака. Одно облако было похоже на слона. С хоботом и бивнями. Оно уплывало на запад, туда, где океан, где джунгли, где приключения.

— Ты веришь, что я был в Бразилии? — спросил я.

— Нет, — честно сказал Рыжик. — Но история красивая.

— Ну и ладно, — вздохнул я. — Красивое важнее правды. Потому что правда — она разная. А красота — одна. Как дружба со слоном. Даже если слона придумал ты сам. Он всё равно остаётся с тобой. Пока ты в него веришь.

— Я верю, — сказал Рыжик.

— И правильно. Потому что вера — это парашют, у которого нет строп. Но он всё равно держит. И выносит. Даже если ты всего лишь рыжий кот, который сидит на заборе и смотрит на облака.

Облако-слон уплывало. Я мурлыкал. Рыжик засыпал. Где-то там, в Бразилии, может быть, и правда жил слон Сеня. Или не жил. Но это уже не важно. Важно, что мы вместе спели песню. И что завтра будет новая история.

Глава 9. Ворона Кассиопея: разведка боем на помойке

— Сегодня, салага, — я почесал за ухом и многозначительно посмотрел на забор, — я расскажу тебе про самую хитрую, самую наглую и самую полезную ворону на всём белом свете. Про мою бывшую врагиню, а ныне боевую подругу — Кассиопею.

Рыжик вытянул шею.

— Это та, которая в вас жёлудем кидала? Из гнезда?

— Она самая, — кивнул я. — Только тогда мы были врагами. А война — она такая: сегодня ты дерешься за фантики, а завтра вместе идёшь в разведку и спасаешь друг друга хвосты. Точнее, у неё хвост, у меня — хвост и усы. Не суть.

Рыжик приготовился слушать. А я приготовился вспоминать.

Итак, после той самой истории с дубом мы с Кассиопеей не разговаривали три недели. Она сидела на своей высоте и каркала обиженно. Я ходил внизу и делал вид, что мне плевать. Но на самом деле мне было не плевать. Потому что ворона — она не просто птица. Она — глаза и уши любого пустыря. А без глаз и ушей любой десантник — как кот без усов: вроде бы есть, а толку ноль.

Всё изменила помойка.

Не та, которая за гаражами, а та, которая за бетонным забором, у самого шоссе. Туда сбрасывали объедки из ресторана. Туда же ходили разведчики со всего района: крысы, вороны, бродячие псы и даже один наглый голубь, который думал, что он орёл.

Однажды утром я пришёл на разведку и увидел картину: Кассиопея сидит на баке, а вокруг неё кружат двое воронов. Чёрных, здоровенных, с клювами как кинжалы.

— Отдай кусок, старая, — шипел один.

— Это моя территория, — каркала Кассиопея, но в её голосе я услышал страх. — Я здесь раньше вас села.

— А мы раньше тебя убьём, — сказал второй ворон и клюнул её в крыло.

Кассиопея взвизгнула. Перья полетели в разные стороны.

Я замер. С одной стороны — Кассиопея была врагом. Она кидалась желудями. Она украдала мой любимый фантик от конфеты «Коровка». Она смеялась надо мной, когда я летел с дуба. С другой стороны...

— Эй! — заорал я, выскакивая из-за угла. — Вы кто такие? Это моя помойка!

Вороны уставились на меня. Потом переглянулись.

— Ты кто, рыжий червяк? — спросил один.

— Я — Мурзик. Десантник. Герой. И сейчас я тебе объясню, почему к воронам на моей территории нужно обращаться уважительно. А ну брысь отсюда!

Вороны засмеялись. Но смеялись недолго. Потому что я разбежался, прыгнул на бак и заорал так громко, как никогда в жизни не орал. Это не было «мяу». Это был боевой клич хвостатого спецназа. От него у собак уши сворачиваются в трубочку, а у птиц — перья дыбом.

Вороны шарахнулись. Один улетел сразу. Второй покружил, каркнул что-то невнятное и тоже скрылся за крышами.

— Держись, — сказал я, поворачиваясь к Кассиопее.

Она сидела, растрёпанная, с окровавленным крылом, и смотрела на меня круглыми глазами.

— Зачем ты это сделал? — спросила она тихо. — Я же твой враг.

— Ты — моя соседка, — ответил я. — А соседей в беде не бросают. Даже если они кидаются жёлудями и воруют фантики.

— Фантик я верну, — сказала Кассиопея и вдруг заплакала. По-вороньи, но похоже на человеческие слёзы.

Так началась наша странная дружба.

Я перевязал ей крыло травинкой (плохо, но хоть как-то). Она рассказала, почему вороны её ненавидят. Оказывается, Кассиопея когда-то была лидером вороньей стаи. Но потом пришли молодые, наглые, выгнали её. И теперь она живёт одна. И все враги — и те двое, и другие — считают её лёгкой добычей.

— Ты теперь не одна, — сказал я. — Будешь нашей разведчицей.

— Зачем вам разведчица?

— Затем, что ты видишь сверху то, чего мы не видим снизу. Ты знаешь, где лежат консервы, где засада, где новые враги. А мы будем защищать тебя от воронов и прочих бандитов. Идёт?

— Идёт, — кивнула Кассиопея.

И мы пошли. Вместе.

Первое совместное задание было — разведка боем на той самой помойке. Вороны могли вернуться. И не одни. Нам нужно было выяснить, кто там хозяйничает по ночам.

— Я полечу сверху, — сказала Кассиопея. — Ты — снизу. Увижу врага — каркну три раза. Это значит — засада.

— А если два?

— Если два — значит, консервы.

— А если один?

— Если один — значит, я нашла червяка и буду есть. Не мешай.

Я усмехнулся. Учения у неё были строгие, дельные. Я такого даже в отряде не видел.

Ночью мы пошли. Я крался среди баков. Кассиопея бесшумно планировала в темноте. Вдруг — карк! Карк! Карк! Три раза.

Я замер. Из-за мусорного контейнера вышли... крысы. Много. Не меньше двадцати. С ножами? Нет, ножей у них не было. Но глаза горели голодным огнём. Вожак — огромный, с рваным ухом и шрамом через нос — стоял впереди.

— Кот, — сказал он. — Рыжий. Один. Сегодня у нас праздник.

— Не один, — сказал я. — Сейчас моя подруга сверху начнёт кидать в вас орехами.

— Вороны не кидают орехами, — усмехнулся вожак.

— Эта кидает.

Карк! Карк! — раздалось сверху. И в вожака прилетел... камень. Небольшой, но увесистый. Крыса охнула и отступила.

— Ещё? — крикнула Кассиопея.

Крысы переглянулись. Одна, вторая, третья начали разбегаться. Через минуту нас остались двое: я и вожак.

— Ты заплатишь за это, кот, — прошипел он.

— Запиши в очередь, — ответил я. — У меня сейчас много врагов. Но, знаешь, все они почему-то быстро становятся друзьями. Хочешь тоже?

Крыса не захотела. Убежала. Но потом, через неделю, пришла сама. С предложением: не делить помойку, а использовать по очереди. Мы составили график. Кассиопея подписалась своим клювом. Крыса — следом, хвостом. С тех пор никаких драк на мусорных баках не было. Только редкие споры из-за особо вкусных огрызков. Но они решались миром. Обычно в мою пользу.

— Так, — сказал Рыжик, отвлёкшись от сухаря. — А что стало с теми двумя воронами, которые Кассиопею обидели?

— А они, — я усмехнулся, — они потом пришли извиняться. Потому что узнали, что Кассиопея теперь под защитой отряда. И что я — Мурзик — могу попросить Петровича-кабана и слона Сеню (если он в городе) сделать из них бифштекс с перьями.

— И вы их простили?

— Не сразу. Кассиопея сначала заставила их месяц таскать ей червяков с утра до вечера. Потом — чистить её гнездо от мусора. А потом она сказала: «Хватит. Пусть работают разведчиками в отдалённых районах. За шоссе. Чтобы я их не видела».

— А вы?

— А я? Я не прощал и не наказывал. Это была её война. Её обида. Её великодушие. Я только сидел рядом и мурлыкал.

— Мурлыканье помогает?

— Всегда, — сказал я. — Даже воронам. Особенно воронам. Потому что у них нет возможности мурлыкать самим. Они могут только каркать. А карканье — оно громкое, но одинокое. А когда рядом кто-то мурлычет — мир становится добрее. И перья растут быстрее.

— А вы до сих пор дружите с Кассиопеей?

— До сих пор, — кивнул я. — Она теперь бабушка. У неё внуки. Маленькие воронята. Они приходят к нам на территорию играть. Барсук Боря строит им песочницы из земли. Зина-белка учит их кидать орехи. А Петрович рассказывает им страшные сказки на ночь.

— Слона Сеню они видели?

— Нет, — улыбнулся я. — Но Кассиопея им рассказывает. Про то, как мы в Бразилии воевали. Вместе. Кот, ворона и слон.

— А это правда была?

— Не важно, — сказал я. — Важно, что внуки верят. И однажды, когда они вырастут, они тоже совершат подвиги. Потому что у них есть мечта. А мечта, Рыжик, это самый главный парашют. Даже если ты птица.

Рыжик зевнул и свернулся калачиком.

— А у меня будет мечта? — спросил он сонно.

— Уже есть, — сказал я. — Ты мечтаешь стать большим и сильным котом. Как я. И это хорошая мечта. Только помни: быть как я — это мало. Нужно быть лучше. И сильнее. И добрее. И тогда, может быть, когда ты вырастешь, какая-нибудь ворона сложит про тебя песню. И ты услышишь её сверху. И поймёшь, что жизнь прожита не зря.

— Вы сложили про меня песню?

— Нет, — сказал я. — Но я могу научить тебя мурлыкать. А песню ты сложишь сам. Когда придёт время.

И мы замурлыкали. Вдвоём. В темноте. Где-то над нами, на дубе, спала ворона Кассиопея. И ей снились фантики, грецкие орехи и рыжие коты, которые спасают помойки и вороньи души.

Глава 10. Крыса Модест: предатель и восстановление справедливости

— Салага, — я тяжело вздохнул и положил лапу на лапу, — сегодня будет невесёлая история. Сегодня я расскажу тебе про предательство. Настоящее, грязное, когда друг продаёт тебя за кусок сыра. И про то, что даже у предательства иногда бывает... не оправдание, но объяснение.

Рыжик притих. Он уже научился понимать, когда я шучу, а когда говорю серьёзно. Сейчас я не шутил.

Случилось это в ту пору, когда наш отряд уже был знаменит на три двора. Мы воевали и мирились, делили консервы и фантики, строили штабы и ходы. У нас были друзья, союзники и даже почётные члены отряда вроде Кассиопеи и белки Зины.

И был у нас один скромный, тихий зверёк. Крыса. Не простая крыса, а интеллигентная. В очках, которые он носил на кончике носа. В чистой серой шубке. С вежливым «пожалуйста» и «извините». Его звали Модест.

Он прибил к нам случайно. Барсук Боря нашёл его под старым шифером, где Модест собирал фантики и читал выброшенные газеты. Да-да, он умел читать. Не все слова, но самые важные — «хлеб», «сыр», «опасность» — разбирал без труда.

— Оставьте его, — сказал я тогда. — Крыса как крыса. Пусть живёт. Порядки знает. Не škодит.

Модест был полезен. Он знал все ходы в подвалах. Он мог найти три пути к любой помойке. Он рассказывал нам, где люди выбросили свежие продукты, а где — отраву. Мы ему верили. Я верил.

И зря.

Всё началось с сыра. В один прекрасный день мы получили сигнал: в подвале заброшенного дома за гаражами оставили целую головку сыра. Не испорченного, не старого, а свежего, жёлтого, с дырочками. Кто-то из людей забыл, кто-то выронил, кто-то просто пожалел — неважно. Важно то, что эта головка пахла на весь квартал.

В отряде было решено: идём все. Сыр поделим по справедливости: большие куски — большим зверям, маленькие — маленьким, один кусок в общий котёл на чёрный день.

Модест вызвался вести. Он знал подвал лучше всех.

— Идите за мной, — сказал он, поправляя очки. — Только тихо. Там могут быть крысы с соседней территории.

— Ты же крыса, — удивился ёж Барбекю. — Ты как с ними договоришься?

— А я с ними не договариваюсь, — тихо сказал Модест. — У нас разные взгляды на жизнь. Они — бандиты. А я — эстет.

Мы пошли. Через трубы, через щели, через подвальные лазы. В темноте, прижимаясь к мокрым стенам. Модест шёл впереди, уверенно и быстро.

И вот мы в подвале. Сыр лежал на бетонном полу. Красивый, жёлтый, нетронутый. Барсук Боря потянулся к нему.

— Стоять! — вдруг заорал я.

Потому что я услышал шорох. Не один шорох. Много. Десятки лап. И запах — не сыра, а опасности. Из темноты вышли крысы. Серые, здоровенные, с блестящими глазами. И у каждой в зубах — палка, камень или просто злобный оскал. Вожак — тот самый, со шрамом на носу — сидел на бочке и ухмылялся.

— Привёл, Модест, — сказал вожак. — Молодец.

Модест опустил голову. Очки съехали набок.

— За что? — спросил я. Тихим, страшным шёпотом.

— За сыр, — ответил Модест, не поднимая глаз. — Они обещали мне полголовки. И новые очки. И неприкосновенность.

— А мы тебе что — не давали?

— Давали, — всхлипнул Модест. — Но вы... вы маленькие. А они — большая стая. С ними выгоднее дружить. Я думал, что если приведу вас, то они примут меня к себе. По-настоящему.

— Ты думал, — сказал я горько. — Крыса, которая умеет читать, но не умеет думать головой. Стыдно, Модест. Очень стыдно.

Вожак тем временем спрыгнул с бочки.

— Так, ребята, — сказал он. — Сейчас мы разберёмся с котом и его зоопарком. А потом съедим сыр. Тихо, мирно, без свидетелей.

— Ты забыл про Петровича, — спокойно сказал я.

— Какого Петровича?

— Того, который сейчас стоит у входа в подвал. И который очень не любит, когда обижают его друзей.

Вход в подвал был маленьким. Кабан Петрович туда не пролезал. Но я соврал. И мой голос звучал так уверенно, что крысы замялись.

— Врёт он, — сказал вожак. — Нет там никакого кабана.

— А это мы сейчас проверим, — сказал я. — Орлы, на выход!

Орлов у нас не было. Но у нас была Кассиопея. Я три раза громко каркнул — наш тайный сигнал. И через секунду сверху, из отдушины, раздалось:

— Я здесь, Мурзик! Кар! Там кабан! Он уже в подвал лезет! Я вижу его клыки!

Кассиопея умела врать. Нет, она умела убедительно врать. Так, что у врагов коленки тряслись. Вожак побледнел (насколько может побледнеть серая крыса).

— Отступаем! — скомандовал он. — Но мы ещё вернёмся!

Крысы исчезли так же быстро, как и появились. Остались только мы и Модест, который сидел под стеной и дрожал.

— Ты предал нас, — сказал Барсук Боря. — За сыр.

— За сыр, — повторил Модест.

— Это было глупо, — сказал Хомяк Хрум. — Сыр — он даже не настоящий. Это пластмассовый муляж. Я такие в витринах видел.

Мы переглянулись. Я лизнул сыр. Пластмасса. Только пахло сырно. Обработка какая-то.

— Тебя обманули, Модест, — сказал я. — И ты попытался обмануть нас. За подделку.

— Простите, — прошептал Модест.

— Простить? — Я посмотрел на него сверху вниз. — Простить я могу. А вот забыть — не обещаю.

— Что вы со мной сделаете?

— Ничего, — сказал я. — Ты свободен. Можешь идти к своим новым друзьям. Крысам со шрамами. Или куда глаза глядят. Но на нашей территории ты больше не жилец. И не друг.

Модест заплакал. По-настоящему, с соплями и всхлипами. Снял очки, протёр их. Потом встал и пошёл. В темноту. К трубам. К выходам.

— Я исправлюсь, — сказал он, не оборачиваясь.

— Исправляйся, — сказал я. — Но не здесь.

— А где?

— Найди себе место, где никто не знает, что ты предатель. И начни заново. Будь честным. Даже если это трудно. Особенно если трудно. А если станешь хорошим — приходи. Покажи. Может быть, тогда я поверю.

Модест ушёл. Мы забрали пластмассовый сыр (пригодился для тренировок — белка Зина кидала его в банку, отлично летает). И вернулись домой. Грустные, злые и голодные.

— Так, — сказал Рыжик. — А он вернулся?

— Вернулся, — вздохнул я. — Через два года. Похудевший, старый, с седыми усами. Принёс мне настоящий сыр. Маленький кусочек. Честный.

— И вы его простили?

— Простил. Но в отряд не взял. Сказал: будешь помощником на птичьих правах. Сиди в своей норе, читай газеты, никого не предавай. А если придёт беда — зови. Поможем. Но как другу. Не как бойцу.

— Он согласился?

— Он заплакал. Но согласился. Потому что понимал: доверие потерять легко, а вернуть — почти невозможно. Нужно прожить жизнь заново. И каждым днём доказывать, что ты изменился. А это тяжелее, чем любой бой.

— А вы сейчас общаетесь?

— Общаемся. Иногда он приносит новые газеты, рассказывает новости. Мы сидим вместе, читаем. Он — умный, грамотный. Без него я бы не узнал, что люди полетели на Луну, а коты туда не берут из-за аллергии.

— А Луна — это сыр? — спросил Рыжик.

— Нет, Рыжик. Луна — это не сыр. Это тоже мечта. Но до неё не допрыгнуть. Даже с парашютом.

— А вы бы хотели на Луну?

— Только если бы взяли с собой Модеста, — сказал я. — Потому что там нет крыс. И нет предательства. И можно начать всё сначала. Чистый лист, понимаешь?

— Понимаю, — вздохнул Рыжик.

— Не понимаешь, — сказал я. — Но когда-нибудь поймёшь. Когда встретишь своего Модеста. И тогда вспомнишь мои слова: прощать можно. Забывать — нельзя. И честность дороже сыра. Даже если сыр настоящий, а не пластмассовый.

Я замолчал. Мы сидели в темноте. Где-то там, в норе под забором, старая крыса в очках дочитывала вечернюю газету. Одна. Без друзей. Но честная. И это было важнее всего.

Глава 11. Как мне пришлось отлеживать хвост после попадания шваброй

— Салага, — я устало потёр лапой переносицу, — сегодня будет не про подвиги. Не про сражения и не про победы. Сегодня будет про боль. Про тупую, противную боль, когда враг не благородный соперник, а мокрая палка с тряпкой.

Рыжик недоумённо моргнул:

— Швабра? Это война со шваброй?

— Это была война за моё достоинство, — торжественно произнёс я. — И, как видишь, я выжил. А швабра — нет.

Это случилось в тот самый день, когда я впервые решил, что совершил достаточно подвигов и могу немного расслабиться. Понимаешь, бывает такая ошибка у старых вояк: чуть припустил бдительность — и сразу получаешь по хвосту.

Дело было утром. Я сидел на подоконнике первого этажа дома, где когда-то жила бабушка, любившая кошек. Бабушка уехала, но подоконник остался. Тёплый, солнечный, с видом на весь пустырь.

Я дремал. Лапы свесил вниз, хвост распушил для равновесия. Усы расслабил. И, кажется, даже мурлыкал во сне.

И вдруг — БАМ!

Я проснулся от того, что кто-то с огромной силой ударил меня по хвосту. Нет, не так: по ХВОСТУ! МОЕМУ! РЫЖЕМУ! ПУШИСТОМУ! ГОРДОСТИ И КРАСЕ ОТРЯДА!

Я подскочил на месте, развернулся и увидел женщину.

Обычную такую женщину. В халате. В тапочках. С ненавистью в глазах. И в руках у неё была мокрая швабра.

— Ах ты рыжий бандит! — закричала женщина. — Опять на мой подоконник? Опять шерсть рассыпаешь? А ну пошёл вон!

И она замахнулась снова. Я успел отскочить. Швабра врезалась в раму и сломалось. Женщина охнула, а я — сиганул в кусты. Но хвост хвост болел так, что я не мог им даже пошевелить. Словно его придавили бетонной плитой.

— Что с тобой? — спросила мышь Зина, когда я приковылял в штаб. — Ты какой-то кривой.

— Я не кривой, — простонал я. — Меня ранили в хвост. Шваброй. Враг был в халате.

— Ужас, — сказала Зина. — Настоящая война.

— Не смейся. Это не смешно. Это — удар по боеспособности.

Я лёг на живот и попытался осмотреть хвост. Он был красный, распухший и отказывался слушаться.

— Нужен врач, — сказал Барсук Боря, который пришёл на шум.

— Какой врач? У нас нет врача.

— Есть, — сказала белка Зина. — Я знаю одну старую крысу. Она бабушка того самого Модеста. Она лечила всех в округе. Даже ёжиков с их иголками.

— Иди за ней, — приказал я. — Быстро.

Бабушка Модеста (её звали Элеонора) пришла через полчаса. Это была старая, мудрая крыса с седыми усами и в крошечном чепчике. Она носила с собой коробок спичек, внутри которого были лекарства — сушёные травы, кусочки коры и загадочные порошки.

— Показывай хвост, — сказала она деловито.

Я показал. Элеонора ощупала, понюхала, даже лизнула.

— Перелома нет, — сказала она. — Но сильный ушиб. Нужно отлежать три дня. Не двигаться. Не прыгать. Не чесаться.

— Как это — не чесаться?!

— Никак. Терпеть. Иначе хвост может загноиться, и его придётся ампутировать.

— Ампутировать?! Мой хвост?!

— Хвост, — спокойно подтвердила Элеонора. — Отрастёт новый? Не отрастёт. Так что терпи. И никаких подвигов. Только лёжка.

Для десантника три дня лёжки — это как для птицы три дня без неба. Я лежал в штабе на подстилке из сухих листьев и чувствовал себя бесполезным бревном. Барбекю приносил мне воду. Боря — сухари. Хрум читал вслух старые газеты. Кассиопея сидела на ветке над штабом и рассказывала новости с помойки.

— Там сейчас крысы делят корку хлеба, — каркала она. — Очень интересная драка. Жаль, ты не можешь посмотреть.

— Я мог бы посмотреть, если бы пошёл, — мрачно сказал я.

— А хвост?

— Хвост потерпит.

— Ты Мурзик. Ты должен подавать пример. Примерный пациент — вот кто ты сейчас.

Я вздохнул. Кассиопея была права. Как это ни противно признавать.

На второй день лёжки пришёл Петрович. Кабан просунул голову в штаб (с трудом) и сказал:

— Мурзик, я принёс тебе тушёнки.

— Спасибо, Петрович. Но у меня аппетит пропал от боли.

— Боль пройдёт, — сказал кабан. — А тушёнка останется. Ешь. Надо восстанавливать силы.

Я съел. Тушёнка была вкусная. Без гречки, но вкусная.

На третий день я почувствовал, что хвост начал шевелиться. Сначала осторожно, потом смелее. К вечеру он уже поднимался почти как раньше.

— Выздоровливаешь, — констатировала Элеонора, когда пришла на осмотр. — Ещё два дня покоя — и можешь бегать. Но швабр остерегайся. Они бывают коварные, мокрые.

— А что с той женщиной? — спросил Рыжик, когда я закончил.

— А женщина, — усмехнулся я, — она потом сама меня пожалела. Потому что её швабра сломалась. И она поняла, что кота нельзя бить по хвосту. Это негуманно. И потом, когда я опять пришёл на тот подоконник (через месяц, когда хвост зажил), она дала мне молока. В блюдечке.

— Просто так?

— Просто так. Потому что люди — они разные. Некоторые бьют шваброй. А некоторые дают молоко. Мне повезло, что вторая была сильнее первой.

— А ты её простил?

— Я? — Я пожал плечами. — Я — да. А хвост — не уверен. Он до сих пор вздрагивает, когда видит мокрую тряпку. Боевая травма, Рыжик. Это не лечится молоком. Но жить с ней можно. Главное — не подставлять хвост под удар.

— Это вы сейчас про швабру или про врагов вообще?

— И про швабру, и про врагов, — сказал я. — Хвост — он не только для красоты. Он — продолжение твоей души. Не дай никому его сломать. А если сломают — лежи три дня, ешь тушёнку и слушай Кассиопею. Она умеет рассказывать новости так, что даже боль уходит.

— А мне швабра никогда не попадала по хвосту, — гордо сказал Рыжик.

— Повезло, — вздохнул я. — Но впереди у тебя долгая жизнь. Ещё и не такое будет. Береги хвост. Это главное оружие десантника. В прямом и переносном смысле.

— Главное оружие — не когти?

— Когти — это инструмент. А хвост — это характер. Если у тебя хвост трубой — ты командир. Если опущен — ты трус. Если взлохмачен — ты готов к бою. Хвост не врёт. Поэтому враги сначала бьют по хвосту. Чтобы ты перестал быть собой.

— А вы перестали?

— На минуту, — признался я. — Когда швабра прилетела. А потом подумал: я — Мурзик. И никакая швабра не сделает меня бесхвостым трусом. И пошёл. Сначала на трёх лапах, потом на четырёх. И вот он я. Перед тобой. С хвостом. С опытом. С тушёнкой внутри.

— Это называется героизм? — спросил Рыжик.

— Это называется выживание, — ответил я. — Но иногда выживание — это и есть героизм. Особенно когда хочется лечь и сдохнуть. А ты не ложишься. Потому что у тебя хвост. И он заслуживает того, чтобы жить дальше. Пусть даже немного кривой. Но живой.

Глава 12. Главврач-попугай Гоша: диагноз "чихательно-пушистый синдром"

— Салага, — я чихнул прямо в усы и виновато вытер их лапой, — сегодня я расскажу тебе про самую странную встречу в моей жизни. Про врача, который не лечил, а говорил. И от этого, представь, становилось легче.

Рыжик отодвинулся подальше на всякий случай.

— Вы чихаете. Вы больны?

— Не больнее, чем обычно, — буркнул я. — Просто аллергия. На тебя. Шучу. Слушай давай.

Это случилось после того, как я отлежал хвост после швабры. Только я вернулся в строй, как случилась новая напасть. Я начал чихать.

Сначала раз в день. Потом раз в час. Потом каждые пять минут. Чихание было громким, пушистым и таким сильным, что из моих ушей вылетали маленькие клубочки шерсти.

— Это что? — спросил Барсук Боря. — Боевая травма?

— Не знаю, — просипел я. — Может, простуда.

— Коты не простужаются, — авторитетно заявил ёж Барбекю.

— Ещё как простужаются, — возразила мышь Зина. — Я одного знала, котёнка. Он в луже посидел, потом два дня чихал. Потом прошло.

— А у меня не проходит, — сказал я. — Уже пять дней.

Отряд забеспокоился. Без Мурзика отряд — как суп без соли: вроде бы есть, а вкуса нет. Хомяк Хрум, который читал все газеты, вспомнил, что в старом сарае за огородами живет кто-то, кто лечит.

— Кто? — спросил я.

— Попугай, — сказал Хрум. — Гоша.

— Попугаи не лечат. Попугаи говорят.

— Этот говорит и лечит. Говорят, он раньше жил в поликлинике. Сидел в регистратуре. Видел всех врачей и всех пациентов. Научился.

Я не верил. Но чихал так, что уже начал кашлять. И решил: будь что будет. Пополз к сараю.

Сарай был старый, с дырявой крышей. На чердаке, на перекладине, сидел попугай. Синий, с жёлтой грудкой и умными чёрными глазами. В клюве он держал маленькую палочку — как школьную указку.

— Кто? — спросил попугай, не вынимая палочки.

— Пациент, — прочирикал я (хотя коты не чирикают, но от чихания голос стал какой-то птичий). — Мурзик. Десантник. Чихаю.

— Садись, — попугай махнул палочкой на перевёрнутый ящик. — Рассказывай.

Я сел. Рассказал. Про хвост, про швабру, про холодный подоконник, про то, что последние дни спал на свежих листьях, которые, наверное, были сырыми.

Попугай слушал. Кивал. Что-то записывал когтем на доске (у него там была маленькая грифельная доска, откуда — не знаю).

— Диагноз, — сказал Гоша наконец. — Чихательно-пушистый синдром. Вторая степень.

— Это опасно?

— Смертельно, только если чихнуть во время прыжка с парашютом. Тогда можно дезориентироваться и приземлиться на забор. Или в крапиву.

— А без парашюта?

— Без парашюта чихать можно. Но неприятно. Лечение: тепло, покой, никакой сырой листвы. И диета.

— Какая диета? — насторожился я, потому что любые ограничения в еде были для меня пыткой.

— Три дня: только молоко. Никаких сухарей. Никакой тушёнки. Никаких орехов.

— Это убийство, — сказал я.

— Это лечение, — строго ответил попугай. — И ещё: ты должен три раза в день повторять скороговорку.

— Какую?

— «Шла Саша по шоссе и сосала сушку».

— Я кот. Я не выговорю.

— Попробуй, — сказал Гоша. — Это тренирует дыхание. И чихать перестанешь.

Я попробовал. Получилось: «Шла Шаша по шошше и шосала шушку». Попугай засмеялся. Но не зло, а весело.

— Хорошо, — сказал он. — На первый раз сойдёт. Приходи через три дня. Если не поможет — будем колоть.

— Чем колоть?

— Иголкой кактуса, — серьёзно сказал попугай. — Очень больно. Поэтому старайся не чихать.

Я вернулся в штаб. Три дня пил молоко, повторял скороговорку и спал на сухой подстилке. На второй день чихать стал реже. На третий — почти перестал. На четвёртый — я пришёл к Гоше здоровый, как боевая пружина.

— Вылечился, — констатировал попугай. — Можешь есть сухари. Но тушёнку — осторожно. Жирная пища провоцирует чихание.

— А как вы узнали? — спросил я. — Вы же не врач. Вы попугай.

— А ты не кот, — ответил Гоша. — Ты десантник. И я не попугай. Я — бывший санитар. Я три года сидел в поликлинике. Видел таких, как ты. Героев, которые не умеют лечиться. Им нужно не лекарство, им нужно объяснение. И маленькая порция магии.

— Какой магии?

— Веры, — сказал Гоша. — Что они станут здоровыми. Если в это поверят.

— И вы лечите верой?

— Я лечу словами, — сказал попугай. — Слова бывают сильнее таблеток. Особенно если их правильно произнести.

— И скороговорка?

— Скороговорка — это дисциплина. Когда ты учишь свой язык новым звукам, твой нос перестаёт чихать от старости. Мудрость, Мурзик, иногда лечит лучше лекарств.

Я его не понял. Но чихать перестал. И решил: будем считать, что помогло.

— Так, — сказал Рыжик. — И что, этот попугай до сих пор живёт в сарае?

— Живёт, — кивнул я. — Но теперь он лечит не только котов. К нему ходят все: ежи с насморком, белки с радикулитом, даже Петрович однажды приходил — у него зуб болел. Гоша сказал ему скороговорку про щётку и клыки. Через два дня зуб прошёл.

— А если серьёзно болит? — спросил Рыжик.

— Тогда он отправляет к людям. Говорит: «Я — словами, они — руками. Вместе мы сила». И знаешь, никого ещё не потеряли. Потому что Гоша — он не врач. Он — душа. А душу лечить важнее, чем хвост.

— А вы к нему сейчас ходите?

— Иногда, — признался я. — Когда чихаю. Или когда просто грустно. Он сядет на плечо, скажет пару умных слов, и легче. Главное — не смотреть на него как на попугая. Смотреть как на мудреца. Тогда он раскрывается.

— А если смотреть как на попугая?

— Тогда он начинает рассказывать анекдоты про людей. Тоже полезно, но менее глубоко.

— А можно я с ним познакомлюсь? — спросил Рыжик.

— Познакомишься, — сказал я. — Когда вырастешь. И когда научишься говорить скороговорку без ошибок. А пока — слушай меня. Я, может, и не врач. Но чихать тебя тоже научу. Если понадобится.

— Не надо, — испугался Рыжик.

— Вот и хорошо, — сказал я. — Будь здоров. Это главная награда. Важнее медали. Потому что с больным хвостом и медаль не на что вешать.

Глава 13. Девять жизней: какая из них самая дорогая

— Салага, — я откинулся на спину и уставился в вечернее небо, — сегодня я расскажу тебе про то, о чём коты обычно молчат. Про наши девять жизней. Только не думай, что это сказка для котят. Это чистая правда, проверенная на собственной шкуре.

Рыжик подобрался, прижал уши и приготовился слушать. Он уже знал: если я начинаю разговор про жизни, значит, скоро будет страшно, а потом грустно, а в конце — что-то очень важное.

— У нас, котов, — начал я, — действительно девять жизней. Не восемь и не десять, а ровно девять. Так устроено природой, или Вселенной, или теми силами, которые раздают нам усы и хвосты. Но вот в чём секрет, Рыжик: эти жизни не равны между собой.

Первая жизнь — самая глупая. Это жизнь котёнка, который лезет куда не надо, падает с подоконников, суёт нос в розетки и пьёт молоко из лужи. Я свою первую жизнь потратил в три месяца, когда решил проверить, сколько я продержусь без воздуха под старым диваном. Полторы минуты. Диван меня чуть не раздавил, но я выполз. Жизнь потратил. Зато понял, что под диванами не водятся сокровища. Только пыль и старые носки.

— А вторая? — спросил Рыжик.

— Вторая была у меня в полгода. Я прыгнул за мухой с балкона третьего этажа.

— С ума сошли?!

— Нет, я был молод и глуп. Муха была жирная и наглая. Я сиганул, поймал её в воздухе — представляешь, поймал! — а потом понял, что нахожусь в свободном падении. Приземлился в куст сирени. Царапины, синяки, но живой. Вторая жизнь ушла. Зато я научился считать этажи перед прыжком.

Рыжик слушал, раскрыв рот. А я продолжал.

— Третью жизнь я отдал собаке. Не нашей, соседской, бешеной овчарке. Я заслонил собой маленького котёнка, который выскочил под лапы. Собака меня укусила за бок. Я отбилсЯ, убежал, зализал рану. А жизнь — вот она, ушла.

— Но это же подвиг! — воскликнул Рыжик.

— Это была жизнь, — поправил я. — Подвиг — это когда ты не думаешь, а делаешь. Жизнь — это то, что ты тратишь. И я её потратил не зря. Котёнок вырос и стал неплохим бойцом в соседнем отряде.

— А четвёртая?

— Четвёртая ушла на войне с крысами в подвале. Та самая история, где нас предал Модест. Я тогда получил удар камнем по голове. Думал, всё, конец. Отключился. Очнулся — жив. Но четвёртой жизнью как не бывало.

— А пятая? Шестая?

Я замолчал на минуту. Небо темнело, звёзды зажигались.

— Пятую я чуть не потерял из-за глупости. Решил показать Барбекю, как надо переходить дорогу. Машина была далеко. Я побежал, споткнулся. Колёса прошли в сантиметре от моего хвоста. Боря потом сказал: «Ты идиот». Я согласился. Жизнь ушла на самолюбование.

Шестую отобрала болезнь. Та самая, после которой я пошёл к попугаю Гоше. Я чихал так, что одна из моих жизней просто вылетела вместе с очередным «апчихи!». Гоша потом сказал: «Бывает. Не переживай. Осталось три».

— Три? — испугался Рыжик. — А сейчас у вас сколько?

— Сейчас я расскажу, — сказал я. — Седьмую я сам отдал. Петровичу.

— Кабану? Зачем?

— Помнишь ту историю с бочкой тушёнки? Когда мы нашли фальшивый сыр и настоящую тушёнку? Там была минута, когда Петрович чуть не погиб. На него сзади напали крысы,

он не видел. Я прыгнул, заорал, отвлек их на себя. Меня искушали, Петрович выжил. Он потом неделю ходил за мной тенью и извинялся. А я потерял седьмую жизнь. Но не жалею.

— Восьмая?

— Восьмую у меня украли. Буквально. Как-то ночью пришли люди в белых халатах, поймали меня сачком и увезли в лабораторию. Не спрашивай, куда, не помню. Там делали опыты. Что-то проверяли, мерили, тыкали иголками. Я сбежал через форточку. Но одна жизнь осталась в той лаборатории. На память.

— Осталась одна? — прошептал Рыжик.

— Одна, — кивнул я. — Девятая. Самая дорогая.

— И вы её бережёте?

— Я её не берегу, — сказал я. — Я её трачу. Каждый день. Прямо сейчас.

Рыжик опешил:

— Но зачем? Если она последняя

— Затем, — я посмотрел ему прямо в глаза, — что жизнь не для того, чтобы её беречь. Жизнь для того, чтобы её жить. Если я буду сидеть в норе и дрожать, зачем мне эта единственная жизнь? Она превратится в ноль. А я хочу, чтобы последняя жизнь была самой яркой. Самой быстрой. Самой полезной.

— И что вы с ней делаете?

— Учю таких салаг, как ты. Сажу на заборе. Смотрю на облака. Ем тушёнку. Дружу с Борей, Петровичем, Кассиопеей, Гошей. Иногда ввязываюсь в драки, если надо защитить слабого. Иногда убегаю, если враг сильнее. Живу. Понимаешь? Не выживаю, а живу.

— А вам не страшно, что она кончится?

— Страшно, — честно признался я. — Конечно, страшно. Но страх — это тоже жизнь. Если нет страха, значит, ты уже умер. Просто ещё не заметил.

— А бывают коты, которые все девять жизней прожили? — спросил Рыжик.

— Бывают, — сказал я. — Я знал одного. Старого кота Ваську. Он прожил 27 лет. Никогда не рисковал, не дрался, не прыгал с балконов. Девять жизней истратил на то, чтобы спать на батарее и ждать, когда ему нальют молока.

— И что с ним стало?

— Он умер, — сказал я. — В своей миске. Уткнулся носом в молоко. Все его жизни ушли на то, чтобы ничего не сделать. А ты знаешь, о чём он думал перед смертью? Я спросил его (мы были знакомы). Он сказал: «Мурзик, я прожил девять жизней, но ни одной не жил».

— Это страшно, — сказал Рыжик.

— Это грустно, — поправил я. — Страшно — это когда враг за углом. А грустно — когда враг внутри. Я не хочу быть Васькой. Я хочу быть Мурзиком. Даже если осталась всего одна жизнь.

— И вы не жалеете о тех восьми?

— Жалею, — сказал я. — О первой, когда полез под диван, — глупо. О шестой, когда чихал — обидно. О восьмой, которую украли, — зря. Но все они сделали меня тем, кто я есть. Рыжим. Пушистым. Немного глупым, но иногда мудрым.

— А я? — спросил Рыжик. — У меня сколько жизней?

— Тоже девять, — сказал я. — Но ты только начал. Первая ещё при тебе. Не торопись её тратить. Но и не прячь. Найди золотую середину. Рискуй, когда надо. Отступай, когда можно. И помни: жизнь — это не число. Это качество.

Рыжик подумал и сказал:

— Я хочу, как вы. Чтобы последняя жизнь была самой лучшей.

— А почему последняя? — удивился я. — Сделай так, чтобы каждая была лучшей. Тогда не важно, сколько их осталось.

Я закрыл глаза. Где-то там, в лаборатории, спала моя восьмая жизнь. В подвале, под диваном, в кусте сирени — остальные. А девятая была здесь. В этом дворе. В этой тельняшке. В этом маленьком рыжем ушастике, который сидел рядом.

— Мурзик, — спросил Рыжик, — а можно я истрачу свою первую жизнь на то, чтобы научиться прыгать с забора?

— Лучше не надо, — сказал я. — Истрать её на то, чтобы послушать ещё одну историю. Сейчас расскажу. Про битву за диван. Там не надо прыгать. Там надо думать.

— Я согласен, — обрадовался Рыжик.

И я рассказал. Потому что жизнь — она для историй. И для того, чтобы передавать их другим. Пока есть кому слушать, есть зачем жить. Даже с одной жизнью.

Глава 14. Ранение в битве за диван (операция "Мягкая мебель")

— Салага, — я потянулся и с хрустом выгнул спину, — сегодня я расскажу тебе про самую опасную битву в моей жизни. Нет, не с воронами, не с крысами и даже не со шваброй. Сегодня я расскажу про диван.

Рыжик вытаращил глаза:

— Диван? Он же мягкий. Он не кусается.

— Мягкий — не значит безопасный, — наставительно сказал я. — У дивана есть пружины. У дивана есть подлокотники. У дивана есть недра, в которые можно провалиться и не вылезти. Но самое страшное в диване — это то, за что мы, коты, его любим. За запах. За тепло. За возможность спать на нём шестнадцать часов в сутки. А если кто-то пытается отнять у тебя этот рай — держись, Рыжик. Это война.

Случилось это прошлой осенью. Люди в доме, где я иногда квартировал, купили новый диван. Старый вынесли во двор. Огромный, коричневый, с продавленным сиденьем и торчащей пружиной сбоку. Для людей он был мусором. Для меня — стратегическим объектом.

Я нашёл его утром. Сидел, обнюхивал, трогал лапой. Мягкий. Тёплый от солнца. С запахом старых хозяев, их собаки и, кажется, жареной картошки. Я лёг. Я потянулся. Я замурлыкал. Я понял — это моё. Отныне и навсегда.

Но я был не один.

Через час к дивану приползла соседская кошка Манька. Старая, хитрая, с рваным ухом и огромным животом (она ждала котят). Посмотрела на меня, на диван, снова на меня.

— Подвинься, — сказала она.

— Это мой диван, — ответил я.

— Это ничей диван. Я его первая заметила.

— Я первый лёг.

— А я первая понюхала.

Мы зашипели друг на друга. Потом я вспомнил, что я десантник, и что не уступать беременной кошке — не по понятиям. А она вспомнила, что она будущая мать, и что не уступать наглому рыжему коту — не по совести.

— Давай поделим, — предложил я, первым остудив пыл.

— Как?

— Тебе — левая половина. Мне — правая. Середину — нейтральная зона для снов.

— А подлокотники?

— Подлокотники — мои.

— А пружина?

— Пружина твоя. Можешь точить об неё когти.

Манька подумала. Согласилась. Мы легли. Полчаса было тихо.

Потом появился пёс.

Шарик. Рыжий, лохматый, глупый. Увидел диван, обрадовался, прыгнул. Весь. Сразу. Диван прогнулся, подпрыгнул, и я вместе с Манькой вылетел в крапиву.

— Ты! — заорал я. — Ты кто такой?!

— Я спать, — сказал Шарик и улёгся поперёк дивана. — Место хорошее. Ваше, что ли?

— Наше! — завопила Манька. — Слезай!

— Не слезу.

Так началась битва за диван, которая вошла в историю как операция «Мягкая мебель».

Я вызвал подкрепление. Пришёл Барсук Боря. Пришёл ёж Барбекю. Пришла белка Зина с орехами. Даже Кассиопея прилетела — посмотреть, чего это я ору.

Шарик не сдавался. Он был большой, ленивый и тяжелый. Его нельзя было сдвинуть лапой, отогнать шипением или укусить — шерсть густая, не прокусишь.

— Стратегия, — сказал Хомяк Хрум, который приковылял с картой подмышкой. — Нужно не силу применять, а хитрость.

— Какую? — спросил я.

— Отвлечь и выманить.

— Чем?

— Кость.

У нас не было кости. Но была тушёнка. Петрович принёс полбанки. Мы выложили её на траву в трёх метрах от дивана. Шарик понюхал. Посмотрел на тушёнку. Посмотрел на диван. Потом опять на тушёнку.

— Еда — это важно, — сказал он. — Но диван — важнее. Я здесь спать буду. А вы идите.

Мы опешили. Пёс оказался не просто глупым, а принципиально глупым. Таких не берёт ни еда, ни угрозы.

— Есть план Б, — сказал Хрум. — Надо вытащить из дивана пружину. Когда диван потеряет жесткость, Шарик провалится и уйдёт сам.

— А кто полезет за пружиной? — спросил Боря.

Все посмотрели на меня. Я вздохнул. Конечно, я. Кому же ещё.

Я подкрался к дивану с той стороны, где торчала пружина. Шарик спал, похрапывая. Я засунул лапу в дырку. Потянул. Пружина не поддавалась. Дёрнул сильнее — бац! Пружина выскочила, ударила меня по носу, и я отлетел на два метра.

Нос кровоточил. Я чихнул. Кровь брызнула на диван.

— Ранение! — закричала Кассиопея. — Мурзик ранен!

Шарик проснулся, увидел кровь, испугался и прыгнул с дивана.

— Я не хотел! — сказал он. — Я всё! Я уйду! Не вызывайте санитаров! И убежал.

Диван опустел.

Манька посмотрела на меня, на свой живот, и сказала:

— Ладно. Бери диван. Мне с котятами не до войны. Я себе другое место найду.

— Нет, — сказал я, вытирая нос. — Делим, как и договорились. Тебе — левая половина. Мне — правая. Нейтральная зона — посередине. А подлокотники, — я вздохнул, — отдаю тебе. Тебе и котятам.

— Почему? — удивилась Манька.

— Потому что ты будущая мать. И потому что я сегодня понял: война за диван — это глупость. Делить надо. Уступать надо. Дружить надо. А драться — только если совсем некуда деваться.

— А пружина?

— Пружину мы закопаем. В память об этой битве.

Мы закопали пружину под кустом сирени. Сделали маленький холмик. Барбекю принёс цветок. Кассиопея каркнула «Помним». И разошлись.

— Так, — сказал Рыжик. — И что, вы с Манькой дружите до сих пор?

— Дружим, — кивнул я. — Её котята выросли. Один теперь в соседнем отряде служит. Второй — в нашем. Третий — ушёл в монахи. Залез на дерево и живёт там, молится мышам.

— А диван?

— Диван сожгли люди. Жалко, хороший был. Но мы успели наспаться вдоволь.

— А у вас остался шрам на носу?

— Остался, — я гордо показал белую полоску. — Боевое ранение. Многие думают, что я дрался с пантерой. А я дрался с пружиной. Но пружина иногда страшнее пантеры. Пантера хотя бы живая. С ней можно договориться. А пружина — железка. Ей всё равно, кто ты.

— И вы не жалеете?

— О чём?

— О том, что дрались за диван.

— Жалею, — честно сказал я. — Глупая была битва. Но без неё я бы не понял одну важную вещь.

— Какую?

— Самые жестокие войны случаются из-за того, что можно поделить. Диван. Кусок сыра. Бочку тушёнки. Если бы мы все научились уступать, у нас не было бы ни врагов, ни ран. Но, с другой стороны, — я улыбнулся, — без ран не было бы воспоминаний. А без воспоминаний не было бы историй. Так что пусть будет шрам. И на память, и для красоты.

— А мне пойдёт шрам? — спросил Рыжик.

— Тебе пойдёт любая отметина, — сказал я. — Если ты её честно заработал. В бою за диван или за право быть собой. Это не важно. Важно, чтобы шрам напоминал не о боли, а о том, что ты не сдался. Даже пружине.

Глава 15. Противогаз для кота: почему усы не должны пахнуть напалмом

— Салага, — я таинственно понизил голос и оглянулся по сторонам, — сегодня будет история про химическую атаку. Про оружие массового поражения, которое едва не уничтожило наш отряд. И про то, как я надел противогаз. Вернее, пытался надеть.

Рыжик замер с открытым ртом:

— Противогаз? У котов не бывает противогазов.

— Вот именно, — кивнул я. — В этом и была проблема.

Всё началось с того, что люди решили травить тараканов. Не знаю, что за химия была в баллончиках, но запах стоял такой, что у меня глаза слезились за три квартала. А наш штаб находился как раз в подвале дома, где проводилась обработка.

В один прекрасный день мы пришли домой и поняли: здесь нельзя дышать.

— Что это? — чихнул Барсук Боря, который первым сунул нос в подвал.

— Это война, — мрачно сказал я. — Химическая. Враг невидим, но воняет так, что врагу не позавидуешь.

Кассиопея, сидевшая на дереве сверху, каркнула:

— Я видела! Люди в масках! С баллонами! Они прыскали всюду!

— Маски — это противогазы, — догадался Хомяк Хрум. — Значит, химия опасная. Без защиты в подвал нельзя.

— А где нам взять защиту? — спросил ёж Барбекю.

Мы задумались. И тут меня осенило. На помойке за магазином я видел детский противогаз. Маленький, резиновый, с круглыми стёклами. Он валялся среди старых игрушек. Люди его выбросили, а для нас это был шанс.

— Я схожу, — сказал я.

— Один? — испугалась мышь Зина.

— Один. Если я не вернусь через час — собирайте отряд и идите на помойку без меня. Там, в куче, мой труп будет лежать. Красиво, с лапами кверху.

— Не смешно, — сказал Боря.

— А я и не смеюсь.

Я пополз к помойке. Запах химии был уже и там — ветер разносил отраву по всему кварталу. Я дышал через лапу, стараясь втягивать как можно меньше воздуха. Глаза щипало. Усы скручивались в трубочку.

Противогаз нашёлся быстро. Я ухватил его зубами и потащил обратно. Резина была старая, жёсткая, пахла мышами и бензином. Но это было лучше, чем дышать ядом.

— Надевай! — сказал Хрум, когда я вернулся.

Я попытался надеть противогаз на морду. Не лез. Я попробовал задом наперёд. Не лез. Я попробовал просунуть сначала усы, потом нос. Усы застряли, я чихнул, противогаз улетел в кусты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.